

МИРЛАНДА ОЙТЕН

Город на той стороне

Вольные Земли,
история третья с четвертью

Зло людей порождает тень, а зло тысяч людей порождает много теней. В больших городах много зла, и оно становится новым городом. Городом без души и тепла, способным только ненавидеть. В нём живут те, кто перешел грань. Сюда рано или поздно попадут те, кто отказался от человечности. Но если сюда попадёт человек, то это станет величайшим испытанием в его жизни.

Он — из князей Ракеш.

В детстве Махуш слышал эти слова чаще, чем своё имя.

Он — из князей Ракеш, древнейшего дома Мейнда, древнее этих выскочек на Лотосовом троне, древнее госпожи Калибан, стен Башни Ангелов и всего мира. Его отец — князь дан Ракеш, По воле князя дан Ракеш его сын был хорошо одет, образован и имел блестящее будущее.

Всё в жизни Махуша подчинялось воле его отца. Князь Ракеш имел своё мнение о том, как правильно жить, и не жалел денег на исполнение своих слов. В обмен он требовал полного подчинения. Иди туда, иди сюда, делай то, говори что я сказал. Если не хочешь, то двери открыты. Его сестра выбрала открытые двери, и Махуш не мог сказать, что Мера счастлива. Да, сестра жила, не умерла от голода, что-то делала и как-то зарабатывала себе на жизнь. Но... его стипендии за отличную учёбу, даже если он сумеет её сохранить, едва хватит на оплату скромного жилья. Иногда Махуш задумывался, что бы было, если бы он наконец-то собрался с волей, как Мера, и послал отца в задницу дэвам и ушел.

Он бы был свободен.

Никаких глупых приказов отца, никаких нотаций, никакой необходимости ломать себя, только чистая нехватка денег и бесконечное выживание. Махуш видел, как живёт Рим, и не хотел существовать так же. Рим, конечно, молодец, но его жизнь была бесконечными боязливыми перебежками из дома в Университет, из Университета в дешёвую столовую, а из столовой — домой. Махуш не мог осуждать друга. Но и не мог так жить.

Всё-таки, отец не вечен. Он не молод, у него десятки дурных привычек и десятки болезней. К тому же он в фаворе у королевы, а уж Добрая Королева Эллин знает, как прерывать жизни тех, кто разочаровал или надоел ей.

Это будет не первое падение князя дан Ракеш, бабка тоже плохо закончила. В их роду князя вообще плохо заканчивали, а значит, у отца нет ни одной причины нарушать семейную традицию. А пока он жив, Махуш подождёт, тихо ненавидя отца.

Он осознавал, что это путь в никуда. Его ярость и раздражение копилось внутри. Ему хотелось бунтовать, но бунтовать было нельзя. Кипящее раздражение привело его сначала в кровать к Риму, потом увело из неё и протащило по дюжине других кроватей, вернуло к Риму, рассорило с сестрой, вернуло к сестре, привело к эленийским галлюциногенам и привело в небольшой частный дом в старом районе торговцев Шелка, в переулке с узким каналом-канавкой посреди мостовой.

Тайный культ, что гнезился в доме считался старой глупой сказкой, но вряд ли городские власти обрадуются, узнав, что он, против общего мнения, всё ещё жив и привлекает в свои ряды всё новых членов. И что он даёт своим верным последователям силы. Иногда Махуш задумывался, а не дал ли ему его бох сил, чтобы расправиться с отцом? В конце концов, разве то, что Кормилица встретила его на пути не знак, что бог хочет ему помочь?

Нет, Махуш не чувствовал в себе сил. И ждал. 3

Отец, разумеется, был не в курсе его маленькой тайны. Зачем ему что-то знать.

Выйдя из дома, Махуш подождал, пока Ингу скроется за углом дома, и поплёлся ловить

извозчика. Хотя он жил всего в трёх кварталах отсюда, он не хотел идти сам. Был конец недели, и дома его наверняка ждёт Мера. Хорошая заботливая Мера, которая будет кричать, требовать и пытаться воззвать к его разуму. Махуш не был готов ко встрече с сестрой и склонялся к мысли заночевать у Рима.

...Рим такого тоже не заслужил. Он добрый, но слишком благопристойный. Он однажды всё узнает и не переживёт ужаса. Тогда Махушу останется только убить себя, потому что так Мера и Рим делят его пополам, а стать целиком проблемой сестры он не сможет. Мера такого не заслужила.

В кадилах была какая-то наркота, Махуш не сомневался, иначе бы ему не было так хреново. Она всегда что-то подмешивала, и в первый раз тоже подмешала, иначе бы всё пошло по-другому.

Махуш иногда задумывался, а почему бы ему не уйти? Вернуться к свету, остепениться, затихнуть... Потом наступала ночь, и он вспоминал Кормилицу, улыбки, тепло от их братства, и тащился на сходку.

Нет, он не мог всё это бросить. Только не так и только не теперь.

Махуш опёрся о фонарный столб и оглянулся. Улица выглядела отвратительно яркой. Прохожие шли мимо и брезгливо отшатывались. Для вылазок в дом в переулке Махуш одевается неброско, иногда мелким клерком, иногда студентом. Его принадлежность к культуре обернётся проблемами для него самого и всех близких. И если бы это утопило только его отца, Махуш бы сам сдался охранению.

...если всё раскроется до того, как обряд закончится и учителя вынесут из дома остатки трапезы и раскидают их по каналам, будет совсем плохо. Мера не заслужила такого, только не сестрёнка.

Махуш оглянулся, увидел медленно катящийся вдоль обочины автомобиль и вывалился ему навстречу. Извозчик остановился прямо перед Махушем. Машина как машина, такие начали ездить пять лет назад по городу вместо привычных конных извозчиков. Говорили, что ещё безумный принц затеял такую замену, когда горы лошадиного навоза около плотин стали похожи на терриконы шахт Норнала.

Извозчик как извозчик. Только окна затемнены сильнее обычного, или просто у него в глазах всё плывёт? Махуш на нетвёрдых ногах обошел открывшуюся дверцу, вцепился в диван для пассажиров, подтянулся и втащил своё тело внутрь. Водитель молча смотрел, но даже не попытался помочь.

— Уверены, что вам сюда, баха? — вежливо спросил он.

— Разумеется, уверен! — фыркнул Махуш, водрузив своё тело на диван. — Стал бы я иначе сюда лезть! Поехали!

Внутри машины щелкнуло, под капотом зажегся едва заметный голубой огонь. Ещё раз стукнула передача, и автомобиль тихо тронулся с места. Махуш развалился на диване и запрокинул голову. Мимо поплыли окна и фонари освещения. Его мутило, как всегда после трапезы. От движения экипажа желудок пришел в пляс, и Махушу потребовалось какое-то время, чтобы удержать его на месте и не облевать салон. Он не был уверен, что не проглотил ничего такого, что извозчик при уборке не опознает.

Кормилица, подавая им пример, иногда откусывала просто чудовищные куски. У неё рот был как у змеи. Махуш иногда думал, что она может проглотить человека целиком, такой огромный у неё был рот. Вот уж кому точно надо хорошенько посидеть после трапезы, чтобы не сблевануть лишнего.

Когда Махуш наконец-то справился с бунтующим нутром, он шумно вздохнул и выдохнул, и наконец-то смог обратить внимание, где находится.

— А куда мы едем? — спросил он.

— Домой, баха, — прокаркал извозчик. Махуш только теперь заметил, что на голове мужчины нахлобучена глупая железная шапка с пышным пером. Ему это показалось очень смешным, и княжич фыркнул.

— А ты знаешь, где я живу?

— Знаю, баха. Я всё знаю.

— Ну давай, — Махуш ещё раз хихикнул и откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Автомобиль неторопливо катился. Махуш поглядывал сквозь веки на проплывающие мимо тёмные дома. Странно. Вроде не должно быть так поздно, чтобы все окна погасли. Или, может быть, случилась какая-то авария на станциях? Так уличные фонари горят...

Автомобиль медленно выкатился на совершенно тёмную набережную с горбатым мостом, подсвеченным двумя фонарями. Махуш прислонился к стеклу и смотрел наружу. Мост выглядел необычно, очень круто для городских мостов. Канал под мостом был чёрный, как смоль, а дома на той стороне лежали во мраке.

— Электричество, что ли, отключили?

— Да, баха. Едем на ту сторону?

— Глупый вопрос, разумеется, едем! — Махуш захотел ударить этого идиота на переднем сидении. Вот нахрена такого тупого взяли в извозчики? Наверняка не мендлеец, а какая-нибудь норнальская шваль, вырвавшаяся с рудников. Махуш фыркнул. Автомобиль снова пришел в движение и неторопливо переехал вперёд. Подъём на мост вдавил Махуша в спинку дивана, а съеденное заплясало в желудке. Ему стало ужасно душно. Юноша открыл оконце и высунулся наружу.

Ночной воздух принёс ему немного облегчения. Махуш даже сумел оглянуться. Пейзаж как пейзаж. Канал внизу был совершенно чёрным, только лёгкая серебристая рябь выдавала, что внизу есть какая-то жидкость. Рябь была редкая, жирная, Махушу показалось, что под ним течёт река сладкой патоки. Эта мысль его развеселила.

Внезапно блики сложились в бесполоую маску. Безглазое лицо болезненно исказилось. Махуш вздрогнул, и ноздри уловили ужасный сладкий смрад. Вода под мостом взбурлила, и сотни ужасных лиц уставились на него. Юноша вскрикнул и отшатнулся обратно в салон.

Автомобиль резво скатился с горбатого моста и покатился по едва освещённым улицам. Ужасная вонь прошла, хотя воздух стал холодным и каким-то неприятным. Махуш снова высунулся в окно, высморкался на дорогу, и откинулся назад. Юноша глубоко вздохнул носом.

Автомобиль неторопливо проехал мимо дома с пустыми чёрными окнами и выехал на освещённую всего парой фонарей площадь. На ней не было ни души. Махуш попытался вспомнить маршрут до дома от театра, но не смог. Горбатого моста на нём точно не было. Да и вообще, он жил буквально в трёх кварталах от него! До дома пять минут неторопливой езды!

Или они едут к Риму?

Наверное, к Риму, он обещал ему приехать.

... а откуда мужик за рулём знает адрес?..

Автомобиль повернул, и Махуш с изумлением увидел посреди площади огромную, теряющуюся во мраке фигуру. То, что выхватывало неясным светом, выглядело

переплетением серых каменных тел, конечностей и торсов. Посреди этого возвышался центральный многорукий торс, увенчанный лысой головой с глубоко посаженными глазами. Махуш не видел головы истукана, но его воображение живо дорисовало всё необходимо.

Хериш, бог плоти, его бог, взирал на него из тьмы.

— Куда ты меня привёз? — Махуш отпрянул от окна и схватился за плечо водителя. Тот оглянулся и мигнул желтым глазом.

Махуш не увидел его лица, зато ясно увидел держащие руль трёхпалые птичьи лапы.

— Тебе здесь понравится, — пообещал водитель.

Махуш не пришел ни на зачёт, ни вечером к нему домой. Рим ждал его до полуночи, после чего пришел в бешенство и долго не мог уснуть.

Махуш не пришел.

Опять.

Рим знал, что случится дальше. Через два или три дня Мах появится, пьяный, избитый, весёлый или грустный, но неизменно уверенный, что в этой маленькой квартире на улице Фонарщиков его примут. Рим ненавидел себя за то, что так оно всё и будет. Чтобы этот избалованный бессовестный говнюк не вытворял, Риму никогда не хватит духа указать ему на дверь и велеть забыть дорогу в свой дом. Он будет злиться, будет орать, но пустит в квартиру, поделится обедом и будет молча слушать новую историю о приключениях княжича, засунув глубоко себе в задницу и язык, и обиды, и гордость. Рим ненавидел себя за это, но не мог ничего поделать.

Лишь прошлой зимой один раз за долгие годы его ярость взяла верх, и он высказал княжичу всё, что накопилось на душе. Тогда Махуш на последние деньги купил билет и уехал в Элени. Деньги и алкоголь у него вскоре закончились, и Махуш месяц провёл на самом настоящем дне. Его нашли люди его отца, отмыли и вернули в Мейнд. Когда Махуш вырвался от отца и пришел к Риму, он, ничуть не смущаясь, рассказал, как именно он выживал в тот месяц, в каких клоаках побывал, как торговал своим телом и в какой ярости от этого факта был отец. Тогда Рим в первый и последний раз не выдержал. По-настоящему не выдержал.

Он орал так, что посадил голос. Он матерился, он призывал проклятия всех богов, он высказал Махушу всё: какой он самовлюблённый мудака, насколько он грязен, насколько мерзок, насколько пал и насколько он нагл и бессовестен, если имеет смелость рассказывать ему такое. Вспомнил все бессонные ночи, все неприятности, чёртову срамную болезнь, принесённую этим ублюдком. Рим вытолкнул Махуша за дверь и запретил даже приближаться к своему дому. Через неделю он остыл, но в прежнее русло их отношения уже не вернулись. Что-то неумолимо изменилось. Махуш стал спокойней и обязательней. Пусть Рим и подозревал, что княжич просто не рассказывает, как раньше, всего, но молчал. Лучше уж так, чем никак.

Римуш не пришел. Злость на него прошла меньше, чем за сутки, и пришло беспокойство. Дома Махуша не было. Даже Ингу, последний близкий... знакомец Махуша, не смог ничего внятно ответить. Была ещё сестра Махуша, Мера, но Рим понятия не имел, где её искать, и даже не знал, как она выглядит и чем зарабатывает на жизнь после того, как отец выгнал её из дома. Махуш время от времени обещал их познакомить, но либо забывал, либо что-то срывалось.

Махуш пропал. Рим волновался за него, но что он мог поделать? Если другу грозит опасность, то его наверняка ищет отец. Если Махуш расстроил князя Дана Ракеш, то Рим ничем не сможет ему помочь. Что он против друга королевы? Рим решил ещё раз расспросить коллоквиум друга, когда те следующим утром явятся к нему на зачёт.

Уже после обеда стало понятно, что никаких коллоквиумов, зачётов и экзаменов на следующий день не будет. И через день тоже.

Рим принимал зачёты у группы вечерних слушателей, когда город осветила вспышка ярче Извечного огня. От парящего над крышами королевского дворца отделились несколько голубых стрел пробоя и ударили в небесный свод.

Он и его студенты несколько минут молча толпились у окна и с ужасом и восхищением смотрели на угасающие молнии и разгорающийся на медленно поворачивающейся к городу Скале пожар. Парящий над городом королевский дворец дрейфовал к озёрам. На фоне угасающего зимнего неба резко выделились торчащие обломки направляющих дворцового подъёмника, соединяющего Скалу с землёй.

— Полагаю, зачёт окончен, — объявил Рим, когда между Старым и Новыми дворцами вспыхнул ещё один взрыв. Его ученики похватили вещи и кинулись к дверям. Рим без сомнения последовал бы их примеру, но у него на руках остались зачётные листы, журнал и ключи от преподавательской комнаты. Пока он возился, чертыхаясь и проклиная коллег, оказавшихся не столь порядочными и более сообразительными, в городе начался настоящий хаос. В городе погасло освещение, телефон умолк, а на вокзале взорвался локомотив. Небо разрезала новая синяя ветвь — под истошный вопль чудом работающего радио. В синих отбесках Рим разглядел людей с оружием и поваленный трамвай. Выйти наружу он так и не рискнул.

Короли Мейнда часто оставляли трон не по своей воле. Нынешняя королева Эллин взошла на трон в шестнадцать лет, свергнув брата, и с тех пор уже четырнадцать лет ничего не менялось. Королеву прозвали Доброй за привычку не вмешиваться в дела тех, кто живёт на земле. Рим предпочитал схемы минопроводов, бабины электропроводов и расчёты гирлянд изоляторов любой политике. Ещё Рим терпеть не мог, когда стреляют. Мысль остаться в одиночестве в школе приводила его в ужас, но в библиотеке Римуш столкнулся с Дагуром, своим коллегой, так же искавшим выход. Вторым товарищем по несчастью оказался пертежец Меркара. Волшебник бродил по школе с фонариком и по его безмятежному лицу нельзя было точно сказать, осознаёт ли он, что происходит за пределами школы.

Они переночевали в преподавательской кафедре, где стояли два широких дивана и электрический бак с кипятком.

Утром стрельба около школы утихла, вместе с ней почти пропало радио. Над вокзалом поднялся столб чёрного дыма. После полудня ожила станция Серого Холма, и диктор не очень уверенно объявил “верным слугам королевы Эллин”, что отряды наёмников-кетек, кроме захвата телеграфа и вокзалов, обстреляли посольство Ордена, и в городе начались бесконтрольные стычки между лояльными силами, наёмниками — и альдарцами.

Это значило для Рима, что в ближайшее время на улицах с его кетекской физиономией лучше в одиночку не появляться. Первый же встречный орденец пустит ему пулю в лоб и ничего ему за это не будет. Их в Мейнде наверняка было от силы два или три десятка, и не больше сотни, если считать всех слуг, сквайров, подмастерьев и вольнонаёмных альдарцев на службе Ордена, но Рим знал, насколько они ненавидят племя его деда. Лучше не рисковать.

Они коротали время как могли. Дагур достал шахматы, и они с Римом разбирали этюды из газет. Меркара один раз присоединился к игре и, разбив обоих коллег в семь ходов, интерес к деревянным фигуркам потерял. Потом он попытался снова, уже в который раз рассказать о том, как провёл свою почти годовую командировку в Норнале, где, как волшебник, участвовал в строительстве новых стен столицы провинции. Норнал славился

тем, что стоя на краю земли, постоянно подвергался нашествию тварей Амана, и что ночью лучше не выходить из домов.

Но и Римуш, и Дагур, уже десятки раз слышали эту историю. К тому же сам Дагур так же ездил на эту эпохальную стройку. Они вежливо отшили коллегу, тот обиделся и пообещал больше не разговаривать. Обещание, разумеется, не сдержал, и принялся листать оставленные в папке ведомости и листы посещения. Дагур попробовал было их у него отобрать и спрятать в несгораемом ящике, но ушлый волшебник быстро вскрыл замок куском проволоки, и снова принялся за своё.

— Рим, ты не знаешь, куда делся Махуш Ракеш? — Меркара растёр тыльной стороной ладони осыпавшуюся с век красну на половину щеки. По традиции своего народа пертежец густо подводил глаза чёрной краской. Но то ли он это делал неправильно, то ли краска в Мейнде продавалась плохая, но подводка быстро осыпалась на его щёки, придавая ему вид то ли пьяницы, то ли демона. — Вы с ним вроде дружили.

Рим на мгновение запаниковал и едва не выронил фигурку всадника. Каждый раз, когда кто-то упоминал о его знакомстве с княжичем дан Ракеш, ему казалось, что собеседник пытается влезть во что-то личное, только его, потоптаться там грязными сапогами и вытащить это на всеобщее обозрение и осмеяние.

Он мигнул. Меркара ждал ответа. На смуглом лице пертежца не было и тени насмешки, а тёмные глаза смотрели прямо на него. Дружба Рима с Махушем не была секретом, а остальные дела были только их делами.

— Не знаю. Он передо мной не отчитывается. Возможно, уехал с отцом куда-нибудь.

Меркара приподнял брови.

— Неужели князь Ракеш предусмотрительно увёз сына перед всем этим?

— Вряд ли, — вместо Рима ответил Дагур. Он поднялся на ноги и подошел к дальнему окну, из которого был виден школьный парк. Около вокзала уже не стреляли, но зато там появились боевые машины ордена Белой Розы, личной армии королевы, а ожившая университетская радиостанция сообщила, что занятия приказом верховного магистра ордена приостановлены, и студентам следует оставаться в общежитиях или на своих квартирах. — Зачем ему участвовать в заговоре? Он ведь в фаворе у нашей королевы.

Рим неопределённо кивнул. Махуш тоже так говорил. На мгновение он подумал, что если бы дан Ракеш на самом деле вывез сына перед мятежом, ему было бы спокойней.

Ближе к вечеру, по радио передали, что восстание против светлейшей королевы Эллиан-Сарда подавлено, хавала Амазде, а проклятые мятежники, да обглодают их кости Аман, бежали из Мейнда. На кафедру зашел преподаватель этики Синах Макдара и сказал, что в городе уже “всё в порядке”. Помявшись, Римуш попросил у рыцаря помочь ему добраться до дома, а Макдара легко согласился, что после участия в мятеже кетеков, крайне похожему на них коллеге будет небезопасно ходить по городу. В тени высокого и прямого, как копьё, рыцаря, Рим благополучно миновал два поста городского охранения и один — солдат короны под знаменем Белой Розы, занявших мост над Большим Каналом.

У парадной дома на Фонарной улице, где жил Рим, Синах Макдара пожал ему руку, пообещал утром встретить его и помочь добраться до работы, пока всё не уляжется, и ушел. Рим вздохнул и решил, что его неприятности на какое-то время отступили. Он дома, скоро в городе воцарится привычное спокойствие. Рим предвкушал скорое восстановление графика занятий и зачётов. Несколько дней придётся постараться, чтобы наверстать сорванные лекции, но это Рима не пугало. В отличие от многих коллег, он любил свою работу и

студентов. Да, порой они вели себя не как люди, а как ужасное дикое стадо. Как только приближался конец семестра, появлялись новые лица, выдумывавшие десятки самых разнообразных причин, почему он должен подписать им допуск к экзаменам и проявить всяческое снисхождение. За некоторых приходили просить. Трети просящих Рим отказывал, ещё трети отказать не мог и был вынужден выполнять, оставшаяся треть немного пополняла его бюджет. Это было не очень честно и порядочно, но каждый раз квартплата совпадала с неделей допусков, и Рим не выдерживал. Он утешал себя лишь тем, что эти студенты не совершенные дураки и он просто даёт им шанс.

Он вспомнил про квартплату. Возможно, если Анахита будет добра к ним, то жалованье из-за мятежа не задержат.

И Махуш, мерзавец, объявится. Наверняка сбежал в Элени или где-то запил, а из-за восстания отец не может начать его поиски.

Рим бодро поднялся на общую лестницу и услышал голоса. Домоуправительница Ларма показывала квартиру новому жильцу. Её голос дребезжал, и Рим плохо слышал, что она говорит. Новый жилец, мужчина, напротив, говорил коротко, но предельно чётко. Рим услышал его мягкое сглатывание “а” и наоборот, резкое “р” и замедлил шаг. Он осторожно поднялся ещё на пролёт и посмотрел через лестничный колодец на нового жильца.

Они стояли около пустующей соседской квартиры, дверь-в-дверь к квартире Рима. Ларма шуршала ключами. Мужчина, новый жилец, стоял рядом, чуть наклонив вперёд голову. Незнакомец был очень высоким и очень прямым. Риму показалось, что он упирается затылком в потолок. Ещё новенький был хорошо одет, физически развит и молод. Он был идеален почти во всём — кроме яркого, красивого альдарийского лица с румяными щеками и ёжиком сероватых волос; и не менее красивой, отлично сидящей на нём орденской формы с белым плащом.

Рыцарь Ордена.

Рим замер на лестнице, не зная, подниматься дальше или переждать, пока рыцарь уберётся с пути. Но судьба решила ткнуть его побольнее, и орденец обернулся и посмотрел вниз.

Красивое, как у бронзовой статуи, лицо, отразило неудовольствие от того, что увидели глаза. Рим понял, что прятаться поздно, и призвал на помощь то, что осталось от его гордости. Он выпрямился и продолжил путь наверх. Пусть он трус, пусть орденец выше него на голову, пусть тысячи причин, но он не убежит, как бы не хотелось.

Он был на три восьмых кетekom, на восьмую элени и наполовину мейндцем. Эта проклятая смесь кровей мучила его всю жизнь. Всю жизнь его рвали на части кровь всех трёх народов. У него было длинное вытянутое лицо, в котором боги по прихоти соединили черты предков самым несуразным способом, особо выделив его кетекского деда. У него был низкий лоб, густые брови и огромный нос с едва заметной переносицей. Волосы на его теле росли с завидной скоростью и упорством. У других мужчин волосы покрывали всё, что ниже груди, у него же всё, что ниже носа. Поделаться с этим Рим ничего не мог, не помогали ни бритва, ни сахар, а мучиться с пинцетом каждый месяц ему никогда не хватало терпения.

Кетек и орденец. Лучших соседей не придумать.

— Доброго вечера, баха, — Рим как можно более вежливо кивнул рыцарю и Ларме. Управляющая отвлеклась от заклинившего замка, и на её лице отразилось беспокойство.

— Это баха Римуш, преподаватель политехнической школы, — пояснила она орденцу. — Рим, это баха Каadm Анзум из посольства Альдари. Надеюсь, вы оба не доставите

мне проблем, — не услышать невысказанного “никаких скандалов, иначе выслю обоих” мог только идиот.

— Вы меня знаете, я самый тихий из всех возможных жильцов, — улыбнулся Рим. Орденец не разделял его веселья, но ничего не сказал. Красивое лицо осталось неподвижным, но глаза зло прищурились. Кадм Анзум молча сделал шаг в сторону, освобождая проход к двери. Рим прошел мимо, открыл замок и зашел внутрь. Он прикрыл дверь и прислушался к происходящему снаружи. Ларма что-то говорила орденцу. Похоже, про него. Он задержал дыхание, и услышал свистящий шепот “Он порядочный мейндец, я вас уверяю, я наводила справки. Вся жизнь живёт в Мейнде”. Рыцарь резко прервал её, объявив, что не собирается доставлять ей неприятности бессмысленными и беспричинными скандалами. Рим вздохнул и отодвинулся от двери.

Вечер был безнадежно испорчен.

Утром Синах Макдара сдержал своё обещание. Когда Рим вышел из парадной, рыцарь уже ждал у уличного фонаря и читал газету. Рим запрокинул голову. Скала всё ещё не вернулась на своё привычное место и отбрасывала тень на город. Но Рим заметил, что она вернула свою привычную ориентацию в пространстве, и обгоревший флигель Нового Дворца, где накануне взорвалась мино-станция, уже не был виден.

— Что пишут? — он пожал руку Макдаре.

— Королева жива и сегодня, возможно, обратится к своим подданным. Мятежники захвачены, либо бежали. Претендентку-племянницу захватили, но её мамаша успела бежать в Элени.

— Как ей позволили сбежать?

— Вряд ли именно её вообще ловили. Лашура — официальная наследница, пока её величество не вздумает родить сама. Без дочери герцогиня ничего не сможет сделать. А в плену её пришлось бы либо казнить, либо содержать во дворце под охраной и создавать ей ореол мученицы.

— Разумно.

— Возможно. А может быть и нет, — Макдара сложил газету и внезапно коснулся ладонью виска. Рим оглянулся, и увидел, что следом за ним из парадной вышел Кадм Анзум. Орденец был в своей форме и накинутом сверху уличном голубом плаще. Он тоже коснулся виска и пожал протянутую ему руку.

— Синах Макдара, орден Кар-атеи.

Орденец кивнул. Рим не очень понимал, что между ними происходит, но, судя по холоду в голосе, теперь уже у Макдары были претензии к Ордену.

Римуш никогда не понимал смысла существования рыцарских орденов. Ладно ещё орден Белой Розы, они были телохранителями королевы. А зачем нужен Орден? Все знали, что он правит Альдари, но на самом деле, Орден был их армией, а кроме совета магистров были ещё и выбираемые князья, совет старейшин и даже Спящие, о которых ничего толком не знали даже альдарцы. В Альдари всё было так запутанно, что наверняка сами альдарцы не очень понимают, кто ими правит.

— Моё братство было поглощено Орденом во время роспуска княжества Этеки, — пояснил Синах, когда Анзум ушел.

— Трудно поверить, что у кого-то могут быть претензии к Ордену. Обычно всё происходит наоборот. Последние годы про них даже газеты не пишут ничего плохого. Королева их чуть ли не обожает.

Макдара пожал плечами и, посмотрев на низкое серое небо и редкий влажный снег, поднял зонт.

— Я не обижен. Не стоит обижаться на движение земель и другие явления, которые от тебя не зависят.

— Тогда что это было?..

— Обычная вежливость. У вас с ним проблемы?

— Пока нет. Надеюсь, не будет. Хотя теперь не знаю, что и думать. По-моему, он не очень дружелюбно настроен.

— Вряд ли вам придётся менять из-за этого квартиру. Вы же не кетек и тем более не имели отношения к тому, что случилось во время Осады.

— Надеюсь на это.

В школе прибавилось народу. Высокое окно библиотеки заделывали стекольщики, через соседнее двое уборщиков в тряпичных масках лопатами выкидывали в подставленный контейнер осколки и мусор.

— Так приятно видеть, что город возвращается к мирной жизни, — встретил их Меркара. Пертежец сидел на окне главной лестницы, с ногами взобравшись на подоконник. Рим удивился гибкости его суставов. Он разве что в детстве сумел бы так подобрать ноги, а потом связать их чуть ли не узлом, вывернув наружу стопы. Пертежец же внешне не испытывал какого-либо видимого неудовольствия от позы. Его глаза, как всегда, были криво подведены мягкой чёрной краской, которая уже начала осыпаться на щёки.

Меркара пожал им руки, не соизволив распутать ноги и надеть валяющиеся под батареей туфли.

— Вашего знакома Махуша искали, — предупредил волшебник. — Похоже, вы двое всё-таки правы, и старый князь не участвовал в мятеже.

— Искали? — Риму не понравились эти слова.

— Да. Королевский следователь. Очень странный, и я бы даже сказал, что в дохлой селёдке больше энергии, чем в этом типе, но, да, он королевский следователь, отправленный к нам искать нашего мальчика, — пертежец перестал улыбаться и похлопал Рима по плечу. — Не вешайте нос. Вы говорили, что паренёк проблемный и уже пропал. Возможно, найдётся и в этот раз.

Королевский следователь появился в преподавательской кафедры после обеда. Это был мужчина уже преклонного возраста, тощий, но при этом весь какой-то жирный, мягкий и дряблый. Старая мантия королевского слуги спускалась с тощих плечей на колышущееся брюшко. На блеклом лице читалась усталость. Следователь брезгливо оглядел комнату, дёрнул губами, увидев крутящегося в кресле Меркару, и ещё раз оглянулся.

— Пожалуй, пойду на лекции, — объявил Данур, мельком глянув на Рима. Радаша, преподавательница материалов, подакнула, схватила в охапку очки с невероятно толстыми стёклами, свои лекции, проектор и, обойдя следователя по дуге, ушла. Следователь не обратил никакого внимания на их манёвры.

— Вы кого-то ищете? — Рим рассудил, что следователь тут из-за него и решил быть вежливым.

— Вы — баха Римуш? — прямо спросил следователь.

— Да, это я. Вы...

— Королевский следователь Мериф, по приказу её величества. Вы знакомы с княжичем Махушем дан Ракеш?

— Да, он мой студент. А зачем вы спрашиваете?..

— Вопросы буду задавать я, — следователь раздражённо плюхнул планшетку с пришпиленными к ней листами бумаги на стол перед Римом. Меркара со скрипом раскрутился в кресле.

— Я бы попросил не мешать моей работе.

— Хорошо, не буду, — пертежец подобрал ноги и перестал крутиться.

— И всё же. Не мешайте допросу.

— Мне выйти?

— Да.

— Ну как хотите, — Меркара слез с кресла, недобро посмотрел на следователя, зловеще улыбнулся — подводка совсем сползла с его глаз и легла длинными пятнами на щёки — и ушел.

— Я в вашем распоряжении, — кивнул Рим. — Но через пятнадцать минут у меня начинаются занятия...

— Они подождут, — следователь вытер вспотевший лоб и протянул ему пухлую ладонь в перчатке.

— Римуш Кар... — он немного брезгливо пожал ладонь. Он попытался быть вежливым и дополнить приветствие указанием на свой род и бога, но следователь счёл формальности выполненными и одёрнул руку.

— Думаю, этот пертежец уже рассказал вам о цели моего посещения школы, — следователь решительно сдвинул стопку учебников и конспектов в сторону, устроил свою планшетку поудобней и достал карандаш. Особого интереса к себе Рим не ощущал. Человек перед ним делал совершенно не нравящуюся ему работу.

— Да. Махуш Ракеш пропал. Мы...

— Что вы у него преподавали?

— Электротехнику и мино-проводимость.

— Когда вы видели его в последний раз? — королевский следователь что-то отметил в блокноте. Рим прищурился, но ничего не сумел разглядеть.

— Неделю назад. Он пришел ко мне, попросил оставить на кафедре свои конспекты и сказал, что вернётся за ними после нового года, — о встрече у себя на квартире Рим не сказал. Он посмотрел на мягкое серое лицо следователя и не сумел выдать из себя это признание. Махуш обещал к нему зайти. Он наверняка бы остался на ночь. Несмотря на ссору, он никогда не отказывался, а значит, они любовники, пусть Рим и знал, что у золотого мальчика есть и другие пассии, более красивые, более молодые и более ревнивые. Какую роль он играл в жизни Махуша? Никакую. Нищий некрасивый преподаватель, годный разве что поправлять ему посещаемость и предупреждать о необходимости явиться на занятия.

Вот и вся его несравненная и важная роль. Махуш не мог пострадать из-за него, Рим был уверен, и выдохнул, осознавая, что может и не рассказывать всей правды.

— Вы можете показать эти конспекты?

Рим мог, и достал из своей тумбочки стопку тонких ученических тетрадей с наклеенными рамками для подписи. Махуш терпеть не мог тяжелые общие тетради. Во-первых, из-за их веса, во-вторых, из-за того, что княжич не очень внимательно относился к сохранности своих записей, и время от времени терял их безвозвратно. А значит, рассуждал Махуш, лучше потерять одну ученическую, чем одну общую.

— Это всё?

— Всё. Можете проверить стол.

Инспектор потрогал тетради и пролистал несколько из них.

— С какой целью он вам их отдал?

— На сохранение на время праздников. Он... вёл весёлый образ жизни, и часто терял конспекты.

— Ясно, — следователь не проявил особого интереса к факту такой дружбы между студентом знатных кровей и обычным преподавателем.

Откуда-то возник Дагур, и инспектор переключился на него. Рим посмотрел на оставленные на столе конспекты Махуша.

— Инспектор, вы заберёте эти тетради?

Ариф оглянулся, посмотрел на тетради и пожал плечами.

— Вряд ли молодого баху украли из-за лекций, — он вернулся к Дагуру. Рим помедлил и убрал тетради обратно в стол. Возможно, когда Махуш вернётся, они ему понадобятся.

Возможно. Возможно понадобятся или возможно вернётся?

До его разума наконец-то дошло просто осознание, что раз Махуша ищет королевская инспекция, то дело серьёзное. Возможно, Махуш просто ушел в загул, как у него бывало, валяется где-нибудь в притоне пьяный и даже не осознал, что проспал, возможно, самое значимое событие в своей жизни. Возможно, Махуш уже никогда ничего не осознает. Потому что отправившиеся на суд Амазды уже ничего не осознают.

Его пальцы покрылись нервной испариной.

Что, если Махуш мёртв?

Остаток дня прошел, как в тумане. Рим не помнил, как принял зачёт. Возможно, это был самый лёгкий зачёт на памяти его студентов. Он подписывал зачётные листы не глядя и слушая полную галиматью. Студенты, не веря своему счастью, разнесли новость по этажам, и через полчаса после начала зачёта у Рима образовалась неплохая очередь из желающих получить допуск к экзамену заочно. Он с трудом вынырнул из своих мыслей, разогнал жаждущих халявы и, собрав вещи, пополз домой, сказавшись больным. Солдат на улицах не стало меньше, но в этот раз ему не понадобилось сопровождение Макдары. На двух постах его даже узнали и пожелали хорошей ночи. Настроение Рима стало чуть лучше. Он проведёт вечер за восстановлением сил, а утром придумает, что ему сделать и как узнать, куда делся Махуш. Опять же, ему надо будет предупредить сестру и тётушку Агарфь, что он в порядке. В первую очередь сестру и узнать, всё ли в порядке с её мужем и племянниками.

План действий придал ему сил. Он зашел в лавку за молоком и ужином, достал из почтового ящика газету, а с пола поднял плотную посылку с ярлыком “Бахе Римушу лично в руки. Важно”. Посылка показалась Риму странной, но он решил отложить её разглядывания до ужина.

В квартире было сумрачно и темно. Рим сложил покупки на столике в прихожей, и, не снимая пальто, поставил чайник греться. Он стоял спиной к комнате и не заметил нападения.

Его скрутили и ударили по голове. Рим даже не успел понять, что случилось, как его повалили лицом в пол и заломили руки. Нападающие, которых по ощущениям было не меньше десятка, и все были многорукими, как люди-змеи, сжали его.

— Не сопротивляйся, — спокойно велел неприятный дребезжащий голос.

— Кто вы?.. — Рим не сумел договорить. Его стукнули лбом о дерево пола, приподняли, надели на голову мешок и вытащили из квартиры.

Рима посадили в самоходный экипаж и повезли.

Он попытался кричать, но мешок глушил голос, а похитители молча тыкали его под рёбра. Рим не чувствовал особой боли, но, чтобы растерять жалкие крохи смелости, что у него были, этих ударов хватило. Он чувствовал себя абсолютно беззащитным. Если его сейчас убьют, то никто даже не хватится. Утром коллеги удивляются, но искать вряд ли станут. Возможно, Дагур всё же позвонит Ларме. Но домоуправительница не озаботится, что в его квартире тихо. У сестры давно своя жизнь. Тётушка Агарфь вряд ли вспомнит о нём без подсказки других родственников.

... он несправедлив к сестре. Она, скорее всего, хватится его. Но не обязательно завтра и лишь потому, что случилось восстание.

Но кого Риму стоит винить за такое пренебрежение? Только себя и свою нелюдимость.

Они ехали долго, или насмерть перепуганному Риму так лишь показалось. Под конец он, смертельно устав от своего страха, почти перестал бояться и смог немного подумать. Он зачем-то вспомнил о знаменитых складах около нормальского вокзала, про которые ходила дурная молва. Его окружали кварталы, где традиционно селились вокзальные рабочие, приезжие из вассальных земель, здесь же были ночлежки, а за вокзалом построили многоэтажные дома с дешевыми квартирами для рабочих. Про эти новые дома тоже ходили разные нехорошие слухи

В таком месте его можно убить и сбросить в канал. Они там грязные, чёрные и вонючие, до поверхности забитые разным хламом. Его тело останется на дне навеки, пока лет через десять королева или её преемник не начнёт задыхаться у себя в небе от вони канав и не велит их прочистить. И то, вряд ли его бранные кости кто-то извлечёт, очистит и задумается, а кто же был этот человек...

Машина встала. Дрожь мино-ядра и валов угасла. Приехали. Рим сжал кулаки и собрал остатки смелости, гордости и собственного достоинства, поместил это в район позвоночника и попытался выпрямиться. Он не мог видеть себя со стороны, но счёл, что из машины вышел пристойно для человека, который не видит, куда ступает.

На долю минуты Римуша оставили просто стоять.

Он выпрямился, покрутил затёкшей головой и тотчас же потерялся в пространстве. В мешке было душно, голова кружилась, и земля зашаталась у него под глазами. Рим попытался выпрямиться, но сделал только хуже, окончательно потеряв равновесие. Несколько секунд он мучительно шатался, качаясь из стороны в сторону, и был бы вынужден позорно оступиться, если бы его не взяли за плечо.

— Иди, — с него наконец-то сняли мешок. Рим вздохнул и откашлялся. Мешок был грязным, отвратительным и душным. Он прищурился от неожиданно яркого света Извечного Огня.

— Иди уже, — его снова толкнули в спину и потащили вперёд. Рим не стал сопротивляться. Он совершенно точно не был рыцарем-героем, который по пути на плаху вырывается из оков и убивает своих пленителей, как не был и героем, который гордо держит голову и не сдаётся перед лицом испытаний. Если бы Рим не был так напуган, то ударился бы в панику. А так он мог только перебирать ногами и смотреть перед собой.

Его привезли в квадратный двор-колодец с единственным деревцем, в чьей тени пристроился маленький цветник и фонтан. Ещё Рим увидел высокое старомодное крыльцо с уродливой мраморной обнажённой женщиной у основания. Женщину покрывали грязные разводы от мейндских дождей, но она кокетливо улыбалась и пыталась прикрыть отбитыми пальцами маленькую грудь. Её привезли из Элени, и однажды маленький Махуш её опрокинул и чуть не задавил себя. С тех пор, как он утверждал, Мах боялся голых женщин, а статуя с подклеенными руками и отбитым носом отправилась под крыльцо.

Рим сглотнул.

Вот и ответ. Он в городском доме князей Ракеш. Мах рассказывал про него. Построен сто лет назад прабабкой нынешнего князя Ракеш, отобран у её дочери за мятеж против короны и возвращён внучке, донёсшей на мать. От неё беспрепятственно отошел сыну, а когда тот надоел принцу Фесту, перешел его младшему брату, который, как многозначительно смеялся Махуш, был совершенно непричастен к падению брата.

Ожидать чего-то хорошего от человека, которого ненавидел, пусть и старался не показывать эту ненависть лишний раз, собственный сын, не приходилось. И этот человек, князь дан Ракеш уже показал, что не очень-то расположен к Риму.

Его ввели через небольшую дверь за статуей. Внутри дворца было темно, пыльно и пахло лавандой. Оглядеться во мраке не дали и быстро втащили по узкой лестнице на второй этаж, потом по по красивому коридору с лепниной и зеркалами провели в большую гостиную. Тут пахло кальяном, горелым деревом и немного дешевым одеколоном. Махуш много рассказывал про эту комнату, где дан Ракеш принимал гостей, журналистов и просто тех, на кого пытался произвести впечатление. Из гостиной открывался вид на Большой Канал и высаженные на набережной болезненные эленийские платаны. Если сесть в кресла у камина, то прямо над плечом князя будет виден висящий над городом королевский дворец.

Князь дан Ракеш стоял у открытого окна и курил.

Рима подвели лицом к спине хозяина дома и наконец-то отпустили, оставив одного стоять остолбеневшим изваянием посреди комнаты. Князь не обрали на него никакого внимания. Из-за спины Рима появилась среднего роста женщина с угрюмым лицом и стянутыми в простой хвост блеклыми волосами.

— Он сейчас будет.

— Пусть поторопится, — буркнул дан Ракеш и выкинул сигарету в окно. Рим сглотнул. Князь медленно повернулся. Сквозняк принёс запах одеколona и курительной смеси из листьев боярышника и шимы. Во рту у Римуша пересохло. Возможно, следовало приветствовать князя, но он стоял столбом и не двигался. До этого дня отца Махуша, высокого массивного человека с брюхом, спрятанным под меховой мантией и похожим на рыцарский нагрудник, Рим видел только на фотографиях в газетах.

Рим сглотнул. Перед ним стоял один из самых влиятельных и богатых людей Мейнда, владелец шахт в Норнале, советник самой королевы и, как говорил Махуш, владелец не меньше трёх сотен рабов в Империи. Через подставных лиц, разумеется, никакой связи с почтенным противником рабства и сторонником закона о невыдаче беглых рабов, никто никогда не докажет.

Рим остался стоять. Его похитили, и кланяться дан Ракешу он не собирался. Хрен уж если его решили убить, то убьют, как не лебези. Может быть, если он сумеет не обделаться, то Амазда запомнит его смелость и положит на светлую чашу весов ещё песчинку.

— Это что? — хмуро спросил князь Ракеш. Голос у него был тяжелый, надтреснутый и в

то же время какой-то сиплый и посвистывающий, словно в горле князя была дырка и звуки в неё утекали.

— Римуш, как вы и заказывали, — раздался за его спиной ещё один женский голос, и это почему-то напугало его куда больше угрюмого взгляда почти чёрных глаз князя. Ракеш сделал шаг вперёд и прищурился. У Рима затряслись колени. Он с трудом сглотнул.

— Римуш... как там тебя, — князь выпрямился и стал выше Рима почти на полголовы. В многослойном домашнем халате он стал просто огромным, и даже откровенно выпирающий живот не менял впечатления. Кудрявая, торчащая в разные стороны борода прикрывала тройной подбородок, а усы-щётки придавали узким губам ощущение какой-то неправильности и угрозы.

— Римуш Карафа, преподаватель электротехники Политехнической школы Серого Холма к вашим услугам. Я бы прибыл к вам сам, князь, если бы вам понадобилась...

Князь внезапно отвесил ему пощёчину. Рим пошатнулся и вскинул руки для защиты. Следующий удар уже пришелся в них. Князь запыхтел и страшно выпучил налитые глаза. Рим отпрянул от него, и новый удар пришелся мимо. Князь потерял равновесие и чуть не упал. Рим попятился от назад и чуть не умер от ужаса, когда его схватили и заставили остановиться. Дан Ракеш подошел и вlepил ему ещё одну пощёчину. Удар вышел гораздо слабее, чем Рим ожидал, но внутри него всё равно всё замерло от ужаса.

Дан Ракеш замахнулся ещё раз, но вновь появившаяся женщина с мышинным хвостиком схватила его за руку и тихо прошипела ему что-то на ухо. Рим не смог разобрать ни слова. Князь прорычал в ответ поток ругательств и чихнул. Из его носа потоком хлынула кровь. Князь вытер губу, посмотрел на окровавленную руку и молча отвернулся. Девица достала платок и попыталась вытереть кровь, дан Ракеш отмахнулся. Она снова что-то сказала, на этот раз Рим расслышал эленийские слова. Дан Ракеш с шумом вздохнул и плюхнулся в кресло. Девица начала закапывать ему в нос какие-то капли.

Рима отпустили, и он чуть не упал без опоры. Он кое-как собрался, хлопнул носом. Дышать стало трудно. Рим вытер верхнюю губу, которую что-то щекотало, и увидел на руке кровь. Вид красной жидкости на пальцах ввёл его в ступор. Рим не мог отвести взгляд. Неужели князь разбил ему лицо? Или проломил череп? И он умрёт?

— Сядь уже, — женщина с мышинным хвостиком убрала капли, подошла к Риму и толкнула его в грудь. Риму повезло — он рухнул на диван, который словно подбежал сзади и услужливо поймал его задницу. Дан Ракеш сидел напротив него в низком мягком кресле, запрокинув голову, и не шевелился. Даже глаза не двигались. Во взгляде старика не было ничего человеческого, он больше походил какую-то бесформенную тушу, на которую натянули кожу человека и задрапировали тяжелым халатом, чтобы подмена не слишком бросалась в глаза.

— Он уже идёт, — девушка вытерла руки тонким белым платком. Рим наконец-то сумел её разглядеть и понять, что она отличалась от его похитителей. Во-первых, на ней было модное женское платье из мягкого трикотажа и лакированные туфли на ремешках. Волосы, несмотря на мейндскую внешность и мейндскую одежду, были не просто собраны в хвостик, а предварительно заплетены в четыре эленийские косы. Она двигалась уверенно и совершенно не боялась князя. Заметив его взгляд, женщина посмотрела в ответ, и у Рима от ужаса зашевелились волосы на затылке. Глаза у женщины были светло-серые, холодные, прозрачные и нечеловеческие. Веки окружала сеточка мелких мимических морщинок. Рим часто видел такие глаза у старых волшебников, работавших в Сером Холме. Как бы молодо и

хорошо они не выглядели, глаза их всегда выдавали.

Если она и была слугой или чем-то в этом роде в доме князя, то уж точно не той, кого можно гонять кулаками, как глупого любовника хозяйского сына.

Женщина посмотрела на князя, и он наконец-то моргнул. Дан Ракеш с шумом вздохнул и закашлялся.

— Что, опять?

— Да, — лаконично ответила женщина, садясь в кресло между ними.

— Ох, — простонал князь. — Я...

— Я могла бы решить все проблемы без вот этого вот, — женщина махнула в сторону Рима. Тот ещё раз вытер нос. Кровь продолжала течь, но попросить себе кусок ветоши или мха заткнуть ноздри он не осмеливался. Вдруг снова начнётся... вот это.

Женщина резко повернула к нему лицо, и волосы на затылке Рим снова зашевелились.

— Расстегни воротник и зажми правую ноздрию, — велела она. — Врач сейчас придёт.

Она откинулась обратно в своё кресло и закурила, стряхивая пепел в вазу с шелковыми цветами.

Через минуту появился обещанный врач. Невзрачный мужчина с какими-то совершенно равнодушными глазами дал Риму ватный тампон и салфетку, велел намочить её в воде и положить на нос. Вода, к радости Рима, нашлась в графине на том же столе, где стояла ваза с шелковыми цветами, и никто не стал орать на него, когда он аккуратно смочил салфетку и положил на переносицу.

Пока он помогал себе сам, врач с абсолютно равнодушным лицом осматривал князя. Он выдал ему какую-то таблетку, велел выпить, проверил, как князь её проглотил и начал мерить его давление. Рим искоса поглядывал на происходящее. Как-то он не так представлял себе своё похищение и последующие пытки. Может быть, его и не убьют? И что это за женщина? Рим не помнил её из рассказов Махуша. Он вообще не помнил в этих рассказах ни одного человека, который мог бы так дерзко разговаривать со старым князем, да ещё и упрекать его и курить в его присутствии.

Женщина, словно поняв, что его мысли о ней, чуть повернула голову, и у него снова зашевелились волосы на затылке.

Врач померил давление князя, дал ему ещё таблетку, бесцветным голосом велел не нервничать и удалился. Дан Ракеш проглотил таблетку и уставился на Рима налитыми глазами.

— Ты, тварь...

— Королева не любит, когда без причины убивают её подданных, — женщина раздавила окурок о край вазы и скинула его внутрь. — Вам и так оказано огромное доверие и содействие в ваших поисках на фоне происходящего.

Рим сглотнул. Если эта женщина — слуга королевы, то, возможно, она вне власти князя... но всё равно он отказывался верить в то, что видит.

— Прошла уже неделя, а мы ни на шаг не продвинулись!

— И не продвинется, если вы не позволите нам заниматься поисками.

— Если бы ты ещё искала, ведьма! — заорал дан Ракеш. Женщина равнодушно достала новую сигарету.

— Я ищу. Однако не моя вина, что ваши дети предпочитали держать свои дела втайне от вас, а вы третий день занимаетесь сбором всякого сброда, который только смогли вспомнить. Вы тратите драгоценное время, которое я с куда большим толком могла бы

потратить хотя бы на пользу её величества. Не говоря уже о том, что вы сказали о пропаже княжны лишь перед переворотом.

Рим сглотнул. Значит, пропала и Мера? По рассказам Махуша, его сестра была очень рассудительной и осторожной. Что же могло случиться с ними двумя, раз князь не может найти даже следа?

— Я не видел Махуша уже больше недели, — пробормотал он. — Я бы рад помочь, но он никогда не рассказывал мне о своих делах. Я, я ждал его перед переворотом дома, но он не пришел.

— Это мы проверим, — женщина отмахнулась.

— А... я всё рассказал королевскому следователю. Он собирал показания в школе, и я показал ему конспекты Махуша...

Женщина помахала рукой.

— Этот слизняк может катиться к Аману в задницу, — она прищурилась, и Рим услышал тихую фразу чуть ли не в своей голове. Даже не услышал, а скорее понял, что после мятежа королеве недосуг разбираться с пропажей двух молодых людей, да и дан Ракеш и его поганый характер достал если не лично королеву, то её слугу так точно.

Рим сглотнул.

— Вы меня отпустите? — очень тихо спросил он. — Я правда ничего не знаю. Я всё рассказал, и отвечу ещё раз на все вопросы.

— Да, ответишь, — пожала плечами женщина и посмотрела куда-то на стык стен с шелковыми обоями и потолка. Рим сглотнул и покосился на князя дан Ракеша. Тот молча продолжал пялиться на него. Рим не удержался и посмотрел на двери, ведущие из комнат. Около одной, через которую его привели, стоял здоровяк в гербовой ливрее, которая выглядела на нём, как шелковая мантия на муле. Вторая дверь была просто закрыта, и Рим испытал искушение попытаться удачу и попробовать сбежать. Что он теряет? Отпустят ли его? Вряд ли. Он не посмел повернуться, но знал, что кто-то из слуг князя стоит у него за спиной, возможно он не сумеет даже встать на ноги...

— Даже не думай об этом, — женщина, похоже, заметила его изменившееся лицо и направление взгляда.

— Я и не думал, — Рим сжался под её ледяным взглядом.

Через минуту напряженного молчания в комнату вошел невысокий толстый юноша не старше двадцати лет. Он был в эленийском подпоясанном балахоне, который всё равно выделял каждую из его обильных складок.

— Ну и где ты был?

— Маста, я устал, мы... — забормотал толстяк, опустив взгляд. Рим посмотрел на это несуразное создание и против воли чуть-чуть приободрился. По крайней мере, он уважаемые преподаватель и одежда на нём не надута так, словно её надели на желе или студень.

— Последнего обработай, — отмахнулась от него женщина.

— Почему ты не сделаешь всё сама? — встрепенулся дан Ракеш. Князь по-прежнему с ненавистью пялился на Рима.

— Потому что я устала, — огрызнулась женщина. — Если бы кто-то не лез в расследование, то я бы допросила только важных свидетелей, а не весь сброд, который ты сюда понатащил.

Рим сжался. Толстяк вздохнул и грустно посмотрел на него. Он закатал рукава и подошел ближе.

— Маста эм... Римуш, вас ведь так зовут? Будет очень неприятно, поэтому я прошу вас не сопротивляться и не мешать мне, иначе будет очень больно.

— Что именно будет больно? — Риму не понравились протянутые к нему мягкие дряблые руки.

— Ну... — толстяк смутился. — Чтение ваших мыслей.

Рима захлестнул вихрь самых разных эмоций.

Сначала он счёл, что толстяк шутит. Потом захотел убежать. Потом подумал, что лучше бы его убили. Потом захотел орать, а следом пришел ужас от осознания, что именно сейчас случится. Мыслеплёт. Эта женщина не волшебница, а мыслеплёт на королевской службе. Поэтому она так разговаривала с князем. Она...

“Вот видите. Пожалуйста, успокойтесь, а то будут проблемы и вам же выйдет хуже!”

— Даже не думай ко мне подходить! — Рим попытался встать с дивана, но ему на плечи легли чьи-то руки. Амбал у двери. Рим дернулся и попытался их скинуть.

“Уймись”.

Ледяной голос ворвался в его разум и выжжет все лишние мысли. Женщина раскурила ещё сигарету, на этот раз её пальцы мелко дрожали. Руки с его плеч пропали, и Рим попытался встать. Не удалось даже пошевелиться. Тело отказалось его слушать.

— Не сопротивляйтесь, пожалуйста, — чуть ли не плача попросил толстяк и положил мягкие холодные пальцы ему на виски. Рим из последних сил дёрнулся, но смог только пошевелить головой и начать заваливаться на бок. Толстяк поправил его и снова взялся за лицо.

Рим выдавил из себя стон. Волосы на затылке встали дыбом от ощущения, что за спиной кто-то стоит и пристально его разглядывает. Он попытался спрятать самые личные мысли, те, которые он бы никогда по доброй воли не показал никому и никому бы рассказал, но они, как назло, вывернулись и прокрутились в его голове особенно ярко. Мозг взорвался ворохом ярких, живых видений о его страхе, о его тайном счёте в торговом банке, о том, что как голый Махуш скачет по его комнате с тюрбаном из простыни, передразнивая выступление королевы. О том, как его, одиннадцатилетнего ребёнка преподавательница гимнастики, коренастая и неопрятная женщина, поймала одного в душевой, и несколько минут заставила стоять, онемевшего от отвращения, слушать её сальные шутки и чувствовать, как она короткими пальцами ощупывает его детские гениталии. Родители, которым он, плотая слёзы, всё рассказал, подняли его на смех. Отец, когда он уже успокоился и постарался забыть и об унижении, и о насмешках дома, в присутствии всего их клана подозвал сына к себе и пересказал эту позорную историю.

Рим попытался не думать о хохочущих пьяных мужчинах и женщинах, похвальбы своей мнимой мужественности, но все позорные видения, даже, казалось, давно забытые, всплыли, как грязь поднимается с разворошенного илистого дна. Он попытался думать об учёбе, об экзаменах, о своём страхе во время восстания, но не преуспел.

На дряблом лице мыслеплёта выступили бусинки пота. Толстяк стал маслянистым и влажным, и от этого в сотню раз отвратительней. Рим видел его прямо перед собой и даже чувствовал несвежее дыхание. Особенно отвратительными были глаза. Зажмуренные, складчатые, маленькие и жирные. С брови мыслеплёта сорвалась капля и упала на безвольные ладони Рима.

Это его сломало.

Он потерялся и уступил незнакомцу за спиной. Он потерял тело, мир и себя. Его

вышибло на границу собственного я и сковало по рукам и ногам. Мысли текли, как потоки кошмарного сна, а Рим не мог направить их в другое русло или заставить исчезнуть. Хуже того, незнакомец, буравивший его затылок взгляда, оказался внутри головы.

Вторженец был ужасен. Он топтался, ворошил мысли и вызывал воспоминания. Рим оказался выкинут на задворки своего сознания и мог только послушно раскрывать все, что вторженец счёл интересным.

Вторженца интересовал сын князя. Рим послушно открыл свою память. Мыслеплёт перебрал воспоминания, как бусины или, что хуже, корнеплоды на рынке, выбирая те, что посимпатичнее и без порчи. Он выпотрошил ящик воспоминаний до самого дна, вытащив и прекрасные воспоминания, и отвратительную низость, всё пристойное и непристойное, перебрал, осмотрел и остановился на последнем дне. Махуш, улыбаясь, обещает прийти и не приходит. Снова. Боль, гнев, обида, отчаяние, попытки расспросить и узнать, куда юноша пропал. Вторженец несколько раз прошелся по этим воспоминаниям, внимательно выслушал все путанные рассказы студентов коллоквиума, растерянное “не знаю” Ингу, отметил, что Махуш оставил ему конспекты и с разочарованием покинул голову Риму.

Мир вернулся.

Римуш сидел на диване и пытался снова почувствовать своё тело.

Толстяк, схватившись за голову, отбежал к старшей колдунье. Та усадила его на своё место и дала стакан с водой. Оба молчали, и князь Ракеш прорычал:

— Ну, что?

Мыслеплёты переглянулись. Ответила ведьма, пока толстяк пытался выпить воды из дрожащего стакана.

— Ничего. Это любовник вашего сына и он не видел его уже больше семи дней. Он не знает, где он.

— А Мера? — хрипло спросил князь.

— Они даже не знакомы. Опять пустышка.

Она помолчала. Толстяк застонал и кивнул, прошептав, что всё сделает. Женщина снова повернулась к князю и бросила:

— Я доложу о результатах официальному расследованию, дальше в таком духе расследование продолжаться не может. Если вы продолжите хватать первых встречных прохожих, королева окажется в неудобном положении и разочаруется в вас.

Рим сглотнул. Ощущение тела и своего разума, свободного от чужого внимания, почти вернулось. Он попробовал сдвинуть ноги, и ему это удалось. Неплохо. Возможно, если они отвлекутся, он сумеет сбежать. Насколько высоко он сейчас над землёй? Рим скосил глаза в сторону окна. Он видел дома на том берегу канала, силуэт моста. Рим никак не мог его узнать. Да и что толку от моста, если он выпадет с высоты и убьётся насмерть? Но что будет, если он останется здесь? Живым ему из гостиной не выйти, чтобы служба мыслеплётов при дворе королевы осталась тайной. К тому же то, что она разрешает им похищать людей и мучить их...

“Даже не думай”, предостерег его ледяной голос в голове. Женщина утопила ещё один окурок в вазе и подошла к Риму. “Тебе уже очень-очень повезло”.

Рим не успел спросить, чем именно. Князь Ракеш внезапно издал похожий на всхлип звук, и у него из носа вновь хлынула кровь. Откуда-то появился слуга в желтоватой куртке с гербом князя на груди и принялся затыкать князю нос. Женщина что-то сказала на низком гортанном языке, который Рим не узнал. Толстяк вздрогнул всем телом, пробормотал ответ.

Женщина, казалось, полностью удовлетворена ответом и повернулась к Риму. Она несильно ударила его по лбу. Волосы на затылке зашевелились, и Рим попытался закричать. Тело снова отказало ему, а в голове появилось ощущение зловещего незнакомца, вперившего взгляд в его затылок. Но, в отличие от толстяка, присутствие женщины оказалось тяжелым, холодным и мучительным.

А потом он отключился.

Темнота длилась всего долю секунды, но в себя Рим пришел в новом месте. Он сидел на лавке в тени публичного парка. В этот час тут почти не было людей, а фонари ещё не зажглись. Он был всё в той же одежде, что и днём, пальто небрежно запахнуто. На Мейнд опустился туман, а с ним и холод. Он шевельнулся, и понял, что страшно замёрз. Ощущения вернулись резко, как если бы их, как свет, кто-то включил тумблером. Рим заклацал зубами и прижал ледяные пальцы к губам, чтобы хоть как-то их отогреть.

Рим оглянулся.

Парк с высокими неяркими фонарями и плакучими деревьями над неглубоким каналом был ему знаком. Он сунул руки в карманы и побрёл наобум к чему-то, похожему на горбатый мост. Краем глаза он заметил движение, оглянулся, но кроме туманного марева и синевы теней, ничего не увидел. Возможно, показалось.

Он медленно брёл по влажной брусчатке. Ближе к мосту из тумана показалось массивное приземистое здание, испещрённое полукруглыми нишами. Сначала Рим счёл, что это дурная пародия на колумбарий, и ему стало не по себе. На мгновение ему послышался стук конских копыт по камням, скрип осей и тихий шепот в тумане. Но подул ветер, унося наваждение и туман, и стал виден неровный желтоватый свет. Рим с облегчением понял, что это тетрапилон Элени. Значит, он недалеко от дома.

Рим обогнул тетрапиллон, мельком помолвившись Светлой Дочери, и побрёл к выходу из парка. Теперь мир встал на место, в него вернулась ясность. Он только не помнил, как тут очутился. Память возвращалась урывками и с приступами боли в затылке. Когда он смог выбраться из парка, сделав лишний круг вокруг дома Элени, картинка кое-как собралась. Рим молча порадовался, что остался жив, подождал на остановке конку, услышал полуночный бой колокола и побрёл к дому своими ногами.

Дом на улице Фонарщиков стоял на месте, его дверь тоже, и ничто не изменилось и не выдавало бури ушедшего дня. Это было даже как-то обидно. Его похитили среди белого дня, в собственной квартире, он сопротивлялся, его выволокли с мешком на голове, а в парадной было пусто и тихо, как всегда. Как будто бы ничего не случилось. Рим молча нашарил в кармане ключи и открыл дверь в свою квартиру. Похитители не поленились закрыть дверь, за что он был им даже благодарен. Если бы его квартиру ограбили, всё случившееся обернулось настоящей катастрофой.

Рим кое-как прикрыл за собой дверь и снял ботинки. Принесённые продукты и посылка лежали там, где он их оставил, около зеркала и батареи. Молоко наверняка скисло. Рим соскрёб крышечку из фольги. Так и есть. Настроение стало ещё хуже. Три мины, лучше бы он выкинул их в канал. Рим потрогал хлеб. Он выбрал самую свежую булку, вкусную, ароматную — что ж, теперь придётся есть такую. Рим тихонько посмеялся и оторвал горбушку. Вспомнит студенчество и поест чай с хлебом. И яблоками, у него ещё оставались яблоки.

Рим достал яблоки и ещё раз посмотрел на посылку. “Римушу лично в руки. Важно”. Ему было не до глупых шуток, а это скорее всего была именно она. Почему-то вспомнились

школьные шутки его товарищей по учёбе. Они подбрасывали свёртки со своими фекалиями на пороги соседней, поджигали и, постучавшись, с расстояния наблюдали, как человек топтал горящую бумагу с закономерным результатом. Что ещё могло быть в бумажном пакете, доставленном ему без марок и штемпелей официальной городской почты?

Рим ел, разглядывая стоящую напротив него посылку. А вдруг там фамильные драгоценности? Чьи? А неважно. Просто какая-то вещица-загадка, как в дешевом романе. “Я обращаюсь к вам с моим последним воззванием в поисках справедливости...” Ну и какой-нибудь бред про преследование, про могущественных врагов, про Рима, как единственную надежду на спасение. Почему бы и нет? Он, конечно, не крутой парень в модном пальто из эленийского драпа и вечно убранными от разочарования руками в карманах, но в знатную переделку уже попал. Может быть, после сегодняшнего похищения и пытки в мыслеплётов, и пальто появится.

...всё-таки дерьмо. Ну что там ещё может быть?

Голова Махуша.

Нет, голова не поместится, так что ухо или палец. Или, если отправитель знает об их интимных отношениях, член.

Рим убрал со стола и взял ножницы. Он разрезал пакет и достал три записные книжки на сорок страниц, обернутые в лист бумаги. На листе было напечатано “Римуш! Махуш, мой брат, много рассказывал о тебе. Он говорил, что ты надёжный человек и его друг. Пожалуйста, забери себе эти бумаги и поддержи какое-то время. Если с нами случится беда, употреби их на пользу моего брата или, если обстоятельства так сложатся, уничтожь их, если ты понимаешь, о чём я говорю и знаешь об этом. Я, к сожалению, ничем не могу ему помочь и, возможно, сама буду находиться в огромной опасности. Пусть Элени хранит вас. Мера”.

Последняя строка была написана от руки ужасным пляшущим почерком. И роспись. Мера, урождённая Ракеш. Римуш зачем-то посмотрел листок насквозь против света лампы, но кроме обычных водяных знаков бумажной фабрики ничего не увидел. Кривой почерк с пляшущими буквами и уезжающей вверх строкой был похож на почерк Махуша. Ведь у брата и сестры могут быть сходства не только во внешности? Махуш рассказывал, что несмотря на все семейные перипетии он был близок с сестрой и помогал ей деньгами, если к концу месяца не тратил всё. Мера по его рассказом выходила очень гордой и отчаянной молодой женщиной. После скандала в семействе Ракеш она приняла сторону изгнанной матери и покинула отцовский дом, отказавшись от семейной фамилии и сопутствующих привилегий. Махуш рассказывал, что ему в своё время стоило больших усилий уговорить отца не вредить сестре, а оставить всё, как есть. Убеждал, что сестра раскается и вернётся, и что если отец навредит ей, то останется без дочери и без продолжения рода через неё. Возможно, Махуш по своему обыкновению хвастал и безбожно врал. Со своей сестрой, не смотря на все обещания, он Рима так и не познакомил.

То, что он рассказал Мере о нём, как о надёжном друге, было приятно.

Рим отложил записку и пролистал записные книжки. Это были дневники и одновременно хозяйственных книг. Взгляд выхватывал даты и заголовки над крупными кусками текста, рядом же были списки покупок, карточные долги, расписание зачётов и даты свиданий с девушками. Как сам Махуш говорил про последнее, “чтобы соответствовать отцовским ожиданиям”. Рим ему верил и старался не обижаться.

Часть записей свободно читалась, а часть на первый взгляд была простыми каракулями или тарабарщиной. На всякий случай Рим поднёс раскрытую книжку к зеркалу, но всё равно

не смог прочитать. Махуш зачем-то зашифровал часть записей. Прятал от отца? Возможно, поэтому и отдал их сестре. Но всё равно, зачем? Если книжки больше не нужны ему постоянно, то не проще ли их уничтожить? Зачем хранить далеко от себя компромат на себя же? Зачем Мера отослала их ему? И Мера ли? Он нашел книжки на почтовом ящике, значит, их кто-то принёс и поставил. Не сама же княжна, иначе бы слуги князя поймали её, и одной проблемой было бы меньше.

... мыслеплёт говорила, что они второй день занимаются ерундой, и так детей князя не найти и что Мера тоже пропала.

Рим посмотрел на корявую подпись. Могла ли княжна обладать таким ужасным почерком? Могла, но ему всё равно казалось, что у строгой гордой Меры почерк должен был бы соответствовать рассказам брата о ней: чёткий, острый, уверенный, с ровными, как по линейке, строками.

... если бы он озаботился посылкой до входа в квартиру или вскрыл её на пороге, всё могло бы пойти по-другому. Дневники бы попали в руки князя, и он занялся бы поисками сына сам. Возможно, узнал бы что-то неприятное, но сумел бы его найти. Махуш же...

Рим одёрнул себя. Нельзя об этом думать. Дан Ракеш ищет детей, значит, уверен, что они живы.

И Мера. Что могло случиться с разумной и хладнокровной сестрой его друга? Единственным безрассудством в её жизни была ссора с отцом. Что такого могло случиться, что, зная об опасности, о пропаже брата и его поисках она отправила эти книжки ему, а не отцу? Рим не понимал. Будь они хоть трижды в ссоре, он бы попросил помощи у отца-князя, ведь у него куда больше возможностей найти Махуша.

Могло ли в этих книжках быть что-то такое, что настроило бы дан Ракеша против сына и навредило Махушу и Мере ещё больше, чем то, что с ними случилось?

Рим испытал острое желание немедленно отвезти книжки в дворец князя. Потом вспомнил зловещее присутствие в своей голове, и его пыл остыл. Можно отослать и анонимно. Вручить уличному мальчишке и отправить к порогу дома.

Правда, есть вероятность, что посылку отправят в мусорку, и ни князь, ни королевские мыслеплёты о ней не узнают. Надо будет подписать... и читающая мысли ведьма снова до него доберётся. Рим вспомнил отвратительное копошение в своей голове, и его всё-таки стошнило прямо в тарелку.

Пытаясь прополоскать рот над раковиной Рим думал, что никогда больше не решится пережить что-то подобное. Нет. Ни за что. Пусть карманные чудовища королевы жрут головы кого-нибудь другого. Он... он сначала узнает, так ли важны эти книги, а после что-нибудь предпримет. Да, для начала надо убедиться, что зашифрованные записи представляют какую-то ценность, а не очередная шутка Махуша, чтобы позлить отца, если книги попадут ему в руки.

Утром Рим распорол одну книжку, достал из тетради два листа с большим куском зашифрованного текста и списком покупок и, после некоторых раздумий, показал их Меркаре. Пертежец только посмеялся над его верой в свои обширные знания, но предположил, что если коллега принесёт ему несколько листов из “занимательной записной книжки”, то он может попробовать в течении месяца их расшифровать. Месяц! Увидев разочарование на его лице, Меркара пожал плечами и отправил его к Дагуру, который славился широтой интересов и знакомств. Ему Рим рассказал ту же историю про случайную находку. Дагур, в отличие от Меркары, понял, что история дутая, и честно сказал, что

быстро расшифровать не сможет.

— Ну... я не мастер в криптографии, — признался Дагур. Риму на мгновение показалось, что позади него кто-то возник. Столь яркое ощущение подкравшегося мыслелёта ошарашило его, и он дёрнулся, не найдя за спиной ничего, кроме здорового фикуса. На удивлённый взгляд коллеги Рим смущённо отмахнулся и пробормотал, что ему показалось что-то неприятное.

— Меркара сказал, что это знак бога, — Рим показал на кривоватый рисунок под списком покупок. Сам он не очень понимал, что такое знаки богов, это было что-то из деревенских суеверий или норнальских местечковых верований.

— Ну... возможно, хотя я такого не знаю. Если эта хм... забавная тетрадь так тебя заинтересовала, что тебе невтерпеж получить ответы в самое ближайшее время, — Дагур чуть-чуть улыбнулся, — то могу подсказать парня, который, если ты ему понравишься, поможет. Знаешь Секеля с улицы королевы Мэйлар?

Рим знал. Некий Секель, волшебник, любитель древностей и книг, держал там свою личную библиотеку и небольшой клуб по интересам. Рим про библиотеку и вечерние собрания у её хозяина знал только по рассказам приближённых к этому Секелю, так как не был ни интересным собеседником, ни любителем древностей. Древние мало что знали об электричестве и миноэнергетике, а в волшебство в его чистом виде Рим не то чтобы не ценил, скорее, не считал нужным в современном мире стремительного развития технологий. В юности он, разумеется, не имея собственных сил, ставил опыты с батарейками и минопроводами. Он с одноклассниками читал заклинания, делал пассы руками, сосредотачивался и пытался провести алхимические эксперименты. Результат если и был, то очень жалкий. И он посвятил все силы изучению миносистем и попыткам понять, что же такое электричество.

... а ведь когда-то у него были амбиции. Эффи рассказывала ему про нервные сигналы, и они сидели и гадали, а может быть, раз электричество существует в самих человеческих телах, то оно вовсе не непонятное инородное богопротивное явление, как считалось во времена их юности. А потом всё как-то ушло. Мечты разбились о быт, потом ещё раз — о взрослую жизнь, о расставания, об осознание, что кто-то лучше и привлекательней него. Рим иногда мечтал о том, что снова возьмётся за диссертацию, но это были уже не яркие детские мечты, а осознание, что случится это нескоро и будет тяжким трудом.

Он кивнул.

— Буду очень благодарен, Даг.

Господин Секель оказался изящным мужчиной неопределённого возраста ростом чуть выше среднего. Длинные, светлые почти до тёплой молочной белизны волосы опускались ниже плеч, отчего издали волшебник выглядел то ли экстравагантным юношей, то ли нелюдью. Впервые увидев его, Рим подумал, что владелец библиотеки слишком молод для своей грозной репутации. Но, приглядевшись к сухим рукам и мелким морщинкам за квадратными стёклами очков, он понял, что господин Секель вполне может обращаться к нему как минимум “сын мой”.

Библиотека господина Секеля занимала второй этаж дома в пять окон. Как и многие дома около старых каналов, этот стоял на каменных столбах, чтобы уберечься от весенних паводков. Пространство между приземистыми массивными столбами заняли котёл отопления в кирпичном мешке с новенькими мино-вводами и овощная лавка. В библиотеку на втором этаже вела узкая крутая лестница с тремя поворотами. Она выводила в маленькую прихожую, наполовину занятую сушащимися пальто и зонтами. День был ненастный, со стороны Туманов снова спустился морозящий дождь и влажный снег.

Иногда Рим жалел, что родился в Мейнде, а не в солнечном Элени. Или на худой конец, в Ашаре. Там тепло и сухо, пусть и два летних месяца принять душ можно только по талонам в публичной бане.

Сразу за микроскопической прихожей начиналась большая комната, где стояла конторка, шкафчики каталога и несколько столов для чтения. Господин Секель заполнял книжные карточки. Чуть в стороне от конторки сидела девочка лет тринадцати с пышными медными кудрями и прозрачными голубыми глазами. В её лице была какая-то неправильность — чуть более круглые глаза, чуть более приплюснутый, чем обычно у мейндцев нос, чуть более светлая кожа — что притягивала взгляд. Рим даже не сразу заметил, что рядом с ней сидит ещё одна ровесница, на этот раз самая обычная миловидная мейндка.

Господин Секель заметил взгляд Рима и раздражённо кашлянул.

— Ещё один твой родственник, Дагур? — не очень вежливо спросил волшебник. Дагура откровенно недружелюбный тон ничуть не смутил. Молодой преподаватель широко улыбнулся.

— В этот раз нет. Это мой коллега по работе. Римуш. Я вам рассказывал про него.

— Возможно. Я тебя не очень внимательно слушал, — пожал плечами библиотекарь. — Так полагаю, юноша, вы инженер?

— Верно, — кивнул Рим.

— Ему в руки попались зашифрованные книжки, — встрял Дагур. — Со знаками богов!

— Очень увлекательно, — тоном господина Секеля можно было замораживать каналы. — А я-то тут причём?

— А вы один из лучших специалистов по знакам богов в городе, — Дагур широко ухмыльнулся. — И у вас лучшая библиотека в городе.

— Разумеется. Особенно по сравнению с Королевской или Публичной исторической, — Секель отложил в сторону карточки и опёрся о свою контору. Он был ниже Дагура, но даже так казался куда значительней долговязого преподавателя. — К тому же знаки богов уже

давно никто не использует всерьёз, кроме глупцов, захотевших поиграть в древние культы. Их каракули не представляют никакой ценности.

— Но может быть вы всё же взглянете? Пожалуйста.

— Поищите кого-нибудь другого.

— Наш коллега, к которому мы обратились, чтобы зря вас не тревожить, узнал в одной из записей знак Хериша-пожирателя и отказался дальше помогать нам. Он велел сжечь эти бумаги, пока они нам не навредили.

— Надо же. Ваш коллега весьма мудр. Как его имя?

— Меркара. Он пертежец, — ответил Рим. Секель перевёл на него взгляд своих глаз, и Рим понял, что они вовсе не голубые, как ему показалось вначале, а золотисто-жёлтые с прожилками. Ему сразу стало не по себе под взглядом этих глаз. — Он преподаёт у нас в школе.

— Чтобы не говорили про его родину, там ещё сохранили остатки здравомыслия. Хм... — библиотекарь посмотрел на свои карточки.

— Давай я заполню их, па, — предложила рыжеволосая девушка. Господин Секель прищурился и пристально посмотрел на дочь. Её подруга, как отметил Рим, тоже смутилась под взглядом хозяина библиотеки.

— Вы ещё уроки не доделали, мои дорогие. Помнится, вы обе намеревались получить весной королевскую стипендию.

— Да, па. Уроки мы доделали, но мы...

— Вы повторили математику? Я тебе отметил примеры на сегодня.

— Почти все решили, па. Па, мы уже второй час тут сидим, можно и отдохнуть. Пожалуйста! Скоро голова же треснет.

Господин Секель прищурился и протянул руку. Его дочь отдала ему свою и подругину тетради. Рим оглянулся на Дагура. Тот кивнул, мол, всё в порядке. Секель пролистал тетради, потом что-то отметил красным карандашом и вернул их девочкам.

— Я уверена, что раскрыла скобки правильно, — обиделась дочка библиотекаря.

— Именно. Нечего подглядывать в ответы, — Секель положил карандаш в стакан и кивнул. — Можете полистать каталоги. Если появятся ещё новые посетители, позовите меня.

Девочки повеселели и принялись быстро убирать учебники. Секель поджал губы, но ничего им не сказал.

— Пойдёмте. Посмотрю, что за умник нарисовал знак Хериша-пожирателя.

Прежде, чем пустить его в свою библиотеку, господин Секель записал имя Рима по паспорту и пролистал сам документ. Девочки, уже убравшие учебники и тетради, тихонько перешептывались рядом, поглядывая на мужчин. Дагур их, похоже, уже знал. От его вопроса об учёбе и делах в школе они не смутились и рассказали о новогодних каникулах, о возобновлении учёбы и как от выстрела танка около школы в классах потрескались все окна. Пришел ещё один посетитель, представившийся профессором истории из школы светлой Элени. Он принёс господину Секелю подшивку статей, и Рим был готов поклясться, что их разговор завязался надолго. Но Секель пролистал тетрадь, похвалил подборку и извинился, что у него дела.

— Надеюсь, оно стоит моего времени, — проворчал хозяин библиотеки, уводя их с Дагуром внутрь книгохранилища.

— Разве я когда-то зря отнимал ваше время?

— Мне пальцев не хватит перечислить все случаи. Идёмте.

Библиотека господина Секеля, о которой Рим столько раз слышал восторженные рассказы, вживую впечатляла не так сильно, как говорили. Она занимала шесть комнат, две из которых оказались закрыты, и Дагур шепотом сказал, что там личная коллекция и особо редкие тома, которые абы кому не выдаются. Беглый взгляд по табличкам на шкафах показал, что господин Секель интересовался самыми разными науками. К удивлению Рима, считавшего волшебника типичным представителем своего племени и любителем словесных наук, они прошли мимо табличек “геология и землеобразование”, “железные дороги” и “физика водообразования”. Разглядеть остальные Рим не успел.

— Присаживайтесь, — Секель указал на небольшой столик у окна, окруженный несколькими стульями. Волшебник уселся сам, включил настольную лампу и взял у Рима блокноты.

— Я так понимаю, что-то совсем свежее? — он посмотрел на корешок с отриском бумажной фабрики и кривовато ухмыльнулся.

— Вот в этом блокноте был знак, он расшит...

— Я сейчас разберусь, — господин Секель поменял очки и принялся листать книжки. Рим постарался дышать потише, а Дагур с интересом подался вперёд. Секель хмуро посмотрел на него, не меняя положения головы, и преподаватель отодвинулся, а для верности ещё и откинулся на мягкую спинку своего кресла. Из прихожей раздался детский смех. Секель перевернул страницу. Рим не сомневался, что библиотекарь именно читает. Его глаза мерно изучали страницу за страницей, останавливались на рисунках, а пальцы пролистывали бытовые записи и описания интрижек Махуша.

Наконец, волшебник бегло пролистал все три книжки и заговорил.

— Ваш друг правильно прочёл знак Хериша-пожирателя, — Секель открыл расшитый блокнот, который Рим пронумеровал третьим и счёл самым свежим. Последняя дата в нём была отмечена днём их последней встречи с Махушем. Больше княжич в нём ничего не писал.

— Видите, это пасть пожирателя, это его жертва, это огненное копье Тена, пронзающее пожирателя плоти. Знак тёмного аспекта Хериша. Вы же в курсе теории о двойственном происхождении богов?

— О том, что Амазда не сущий?

— Нет, разумеется, нет. Я имею в виду теорию, что Амазда пришел позже богов. Что он... не единственный. Что боги не его дети, а его предшественники, склонившие перед Ашей голову. Что они существовали до, и были созданы не из света, а из первоначального хаоса, породившего Амазду и Амана. Так что каждый бог олицетворяет как светлую сторону бытия, так и тёмную. Например, Тиара не только дающая свет богиня чувств, справедливости и отваги, но и богиня гнева, безжалостная мстящая фурия и повелительница испепеляющего пламени. Элени — мать милосердия, терпения и жизни, она же богиня страданий, болезней и цикла жизни и смерти. Точно так же и Хериш, владыка плоти. Сам по себе он покровитель здорового тела, физического труда и, как ни странно, науки. Познания мира, если говорить точнее. Его тёмные аспекты — похоть, членовредительство, порча могил и трупов.

— Поедание плоти, — брякнул Рим, вспомнив детские страшилки. Хериш-Пожиратель-Плоти был чем-то вроде демона Амана. Он поджидал непослушных детишек под мостами каналов и в канализационных люках. А мог вылезти и затаиться под крыльцом, поэтому

хорошие дети сидят у себя в комнате, а не бегают по улицам.

— Да. Верно. Людоедство. Некоторые последователи Хериша приходили к выводу, что раз плоть — это ответственность их бога, то поедая её, они будут получать его благословение.

— Ну...

— Абсолютное заблуждение, говорю вам, как вынужденный прибегнуть к праву Покинутых. Поедание человеческой плоти не делает человека сильнее, — Секель коротко улыбнулся. Рим против воли вздрогнул. Библиотекарь из просто неприятного типа внезапно стал... зловещим. Право Покинутых разрешало людям, оставшимся в изоляции на землях вдали от остального человечества, людоедство. Но это тоже была страшилка из детства, драматическая часть историй о мужественных первопроходцах или несчастных, отрезанных течением Океана от мира. Они собирались кругом и тянули жребий. Некоторым тянуть жребий право запрещало. Дети. Врачи. Женщины, которые могут родить или беременны. С последними, правда, были разночтения. Альдарский и мейндский вариант права гласил, что беременную надо спасать любой ценой, следом за ней способных рожать женщин, а третьими — детей. Эленийский обычай предписывал оказать матерям последнюю милость, если нет надежды.

Но одно дело читать о таком дома, под тёплым пледом, будучи подростком. Совсем другое — сидеть напротив человека, который съел своего товарища, чтобы выжить.

— Люди не отличаются особо изысканным вкусом. К тому же мяса в них очень мало, — Секель перестал улыбаться. — И особых сил ни у меня, ни у моих товарищей не появилось. Есть разница между выживанием и попыткой съесть соседа во славу своего бога. Но некоторые люди любят грязь. Поэтому Хериш около сотни лет назад получил такую зловещую репутацию, что в конце концов, его культ пришел в упадок на всех землях Мейнда.

— А что вы можете сказать о шифре? — не удержался Рим. — Честно говоря, я подозреваю, что владелец блокнота нарисовал этот знак от скуки. Он никогда не был слишком религиозен и, признаться, вряд ли смог бы прочесть благословение Матери.

— Вот тут вы ошибаетесь, молодой человек, — Секель поменял очки обратно и откинулся на спинку своего стула. Его лицо оказалось в полумраке. Свет лампы, выбивающийся из-под абажура, оставлял верхнюю часть его лица в тени, отчего желтые глаза за стёклами стали похожи на змеиные. Или Риму лишь кажется? Он не мог отделаться от отвратительной мысли, что перед ним сидит людоед. — Шифр напрямую связан со знаком. Это тайнопись мейндского жречества, использовавшаяся до установления абсолютной власти короны и, как вы поняли, нахождения камня нашей земли. Она исправлена под нужды нынешнего языка, но структура прежняя. Простая замена части букв на старое эленийское письмо, пропуск гласных и письмо задом наперёд. Думаю, покажи вы это более или менее пристойному историку, он бы его сразу узнал. Этот шифр тайна только для обывателей. И он достаточно прост. Криптограф или математик без труда разгадал бы шифр даже без знания о культах, — Секель прищурился. — Даже странно, что в политехнической школе такого не нашлось.

Дагур беззаботно отмахнулся.

— Знак Хериша указывал, что нам нужен более узкий специалист.

— Пока этот более узкий специалист видит записки не очень интересного юноши, ведущего бессмысленный образ жизни. Кто-то из ваших студентов?

— Да, — не стал скрывать Рим. — Он пропал несколько дней назад, и я обеспокоен

этим.

— Я слышал о пропаже княжича Махуша дан Ракеша, — Секель пролистал ещё несколько страниц книжки. — Его сестра Мера, если верить слухам, тоже куда-то подевалась, а старый князь дан Ракеш объявил городскому охранению и корпусу королевских следователей баснословное вознаграждение за информацию об обоих. Почти пятьдесят золотых драконов за информацию, которая поможет найти их.

— Я не слышал, — признался Рим.

— Не удивительно, за новостями о перевороте и освобождении золотов в Ашаре, оно могло и затеряться, — ядовито заметил Секель.

— Мы не работаем за вознаграждение, если вы на это намекаете, — возразил Дагур. Рим молча удивился его самообладанию. Возможно, электрик знал хозяина библиотеки лучше него.

— Трогательная забота о студенте.

— Мы с Махушем дружили, — тихо сказал Рим. — По его просьбе Мера, его сестра, отослала мне эти книжки. Вряд ли бы он оставил эти записные книжки тому, кому бы не доверял.

Секель снова улыбнулся своей короткой неприятной улыбкой. Тонкие губы вытянулись в линию и почти пропали. Мимо них пробежала Меда с кружками и спросила, не нужно ли им чая. Рим снова поразился, насколько не похожи отец и дочь, и при этом очень схожи в своей притягивающей взгляд неправильностью. Секель кивнул ей, и девочка через несколько минут вернулась с подносом на голове. Она ловко балансировала большим заварочным чайником и расставленными вокруг него чашками из разных сервизов.

Всё это время библиотекарь молчал и похлопывал тонкими белыми пальцами по записной книжке у себя на колене. Дагур сидел с благодушным выражением лица, словно всё происходящее было совершенно нормальным. Рим решил не паниковать раньше времени и положиться на уверенность коллеги. В конце концов, ему виднее, чего ожидать от этого волшебника. Риму хватило бы знания, что за система использована в шифре. Возможно, это займёт время, но мог бы найти криптографа в школе...

И потратить на всё ещё несколько дней, пока Махуш и Мера непонятно где. Рим заёрзал. Он совершает непростительную ошибку, и от этого было мучительно больно. Окажись эти дневники у князя дан Ракеша, он бы сумел ускорить поиски. Или у королевской ведьмы... О ней он боялся даже думать. Рим презирал самого себя за трусость, но каждый раз при мысли о том, что у него в голове появится ледяное чужое присутствие, внутри него всё умирало.

Секель налил себе чая в красивую чашку с вызолоченной ручкой и вернулся в прежнюю позу.

— Возможно, ваш дорогой друг был культистом Хериша, я не могу сказать точно. До меня доходили слухи, что в городе есть его культы, как и культы Норна. Люди всегда любят глупости, если они завёрнуты в фантик из тайных знаний, древних легенд и других глупостей. Но они не выходят за... определённые рамки приличия. Большинство людей по своей натуре не злодеи и весьма трусливы. Перейти грань, разделяющую баловство от настоящего зла им страшно.

Махуш мог, подумал Римуш. Этот малолетний избалованный придурок мог. Рим с трудом удержался от стога. Махуш был в капкане родительских скандалов, имел перед глазами пример сестры, которой гордость обошла очень дорого, и метался между жадной

свободы и княжеским содержанием. Рим иногда завидовал его деньгам, иногда безумно, иногда до мерзких мыслей, что он, Рим, смог бы распорядиться этими возможностями в разы лучше друга. И тирания сумасбродного отца не такая уж и большая плата за достаток и сытость. Махуш не то чтобы сильно страдал, находя на свою задницу приключения, любовников или вот секту забытых богов.

— И чем занимаются культисты Хериша, если не решаются есть человеческую плоть? — спросил Дагур с немного придурковатой улыбкой.

— Полагаю, занимаются физическими контактами в разных формах.

— Чем-чем?

— Трахаются разными способами, — Секель посмотрел на него, как на умственно отсталого.

— А вы можете нам найти больше информации?

Рим не был мастером по чтению человеческих эмоций, но выражение лица библиотекаря на его взгляд однозначно показывало полное разочарование господина Секеля в умственных способностях собеседника.

— Разумеется, юноша, — библиотекарь поднялся и вскоре вернулся с тремя книгами и одной тетрадью без переплёта.

— Это Голубиная книга, это монография мастера Ура об аспектах богов, о Херише тут тоже немного. Это монография о культах Мейнда до прихода Чумы, о культе тут написано больше всего, но вряд ли достаточно, чтобы составить себе нужное мнение. К тому же автор любит легенды, в том числе и ту, в которой храм Хериша провалился в Обратный Мейнд, и спаслась лишь одна жрица, которая однажды съест десять тысяч людей и железной цепью вытянет храм обратно. Впрочем, господам инженерам сойдёт и это.

— Почему так мало? Мне всегда казалось, что Хериш достаточно... изученный бог. О нём столько сказок, присказок, мы все знаем, как должны выглядеть его храмы и скульптуры, — Дагур взял книги в руки. Секель вернулся обратно в своё кресло.

— Потому что культы Хериша запрещены, молодой человек. Потому что они творили вещи, непристойные не только по меркам древних, но и по нашим. Педофилия, скотоложество, изнасилования, обжорство, членовредительство, извращения... Хуже того, людоедство и отравление колодцев ради телесных недугов. По слухам, именно культисты Хериша принесли в Мейнд Чуму, считая болезни проявлением воли своего бога. Чума, как вы знаете, привела к захвату власти Домом Воздуха, а Дом Воздуха своей тиранией разорил Мейнд. Подробности можете уточнить у более вовлечённых историков.

— Но что-то осталось? Дом Воздуха не мог уничтожить вообще всё. Да и их самих потом тоже уничтожили.

Секель приподнял брови:

— И как по вашему уничтожение Дома Воздуха могло помочь спасти записи о Херише?.. Как я сказал, да, слухи о существовании некоторых кружков до меня доходили. Но их нельзя, как бы это назвать, сравнивать с историческими культами. Все они не имеют настоящей преемственности и скорее играют в поклонение, чем являются реальным культом.

— Но они ведь существуют?

— Да, существуют. И если власти узнают о них, то им будут грозить неприятности. Вряд ли королевское правосудие будет судить их по всей строгости вроде утопления в Большом Канале, клеймением и четвертованием. Но возможно, их выпшют в Норнал...

Вот и ответ, подумал Рим. Мера знала о том, что её брат вляпался в такое дерьмо, и отослала его дневники человеку, которого сочла другом. Махуша могут утопить в Большом Канале, как грязного насильника и чудовище. Могут заклеить и отправить в Норнал. И отец его не спасёт, потому что королева Эллин никогда не смягчает приговоры богохульникам и насильникам.

— Господин Секель, — мысли Рима прервал по-прежнему спокойный голос Дагура. — Вы можете нам с расшифровкой?

Библиотекарь отпил из своей чашки. Блеснули огоньки в жёлтых глазах.

— Моё время дорого стоит.

Рим подозревал что-то такое, как и то, что знакомый Дагура окажется ему не по карману. Он спешно протянул руку к запискам Махуша.

— Думаю, это лишнее. Я имею некоторый опыт в расшифровке, и благодаря подсказке господина Секеля смогу расшифровать записки сам...

— Брось, ты потеряешь уйму времени, которым можно распорядиться куда лучше. Господин Секель, какая цена?

— А молодой человек сможет расплатиться?

— Я расплачусь за него.

— Ты или твоя мать?

При упоминании своей матери Дагур страшно смутился и опустил взгляд.

— Нет, только я.

— Хорошо. Я тебе напишу, какие книги мне нужны. Думаю, перевод будет не очень сложным, и твоей сестрёнке не придётся кормить тебя ближайший месяц.

— Хорошо! — Дагур очень обрадовался, словно Секель пообещал ему услугу даром. Рим не знал, что и говорить. Он терпеть не мог быть должен, потому что расплата каждый раз настигла его внезапно, и особенно он терпеть не мог этот расчёт услуга за услуга. Лучше уж быть должным твёрдой монетой. Он покосился на корешки книг на полках. Библиотекарь сказал “список книг”. Значит, платить придётся ими. Наверняка какие-то редкие издания или копии из закрытых собраний.

Они пожали друг другу руки, и Секель ушел вместе с записными книжками. Рим пожалел, что не плюнул на приличия и не влез в приёмную декана, где стоял копировальные аппарат и не снял с них копии. Но он сдержался и вместо этого обратился к более насущному вопросу.

— Зря ты так. Я же не смогу тебя отблагодарить, — укорил он Дагура.

— Да брось. Тебе приятно, а мне не будет ничего стоить. Я не первый раз ему книги таскаю.

— Не первый?

— Он всегда за особые услуги берёт особую плату. Знания. Книги. Не обязательно что-то дорогое, просто редкое или труднодоступное. Например, политехнический вестник.

— Школьный журнал?... Но его же можно просто купить!

— Ага. Оформив подписку, заполнив анкету, получив разрешение и справку от городского охранения, что ты не собираешься продавать эти бесценные знания в Альдари или в Пертеж. Проще купить мне, а потом принести ему. Проще мне через знакомых собрать копии интересующих его статей и принести ему. В конце концов, иногда проще мне найти учителя пертежского для его драгоценной дочки, чему ему тратить время и обивать пороги Серого Холма в поисках того идеального, что достоин ставить его сокровищу произношение.

— Будь у меня дочь, я бы тоже о ней заботился и пытался дать самое лучшее.

— А, забудь про моё брюзжание. Считай, что это подарок тебе на новый год. К тому же моя мама хотела помириться с этим хрычом, так что услуга с моей стороны будет поводом и ей сюда явиться и поболтать с ним, — Дагур шутливо подмигнул ему. — Считай, что уже отблагодарил меня. К тому же я оказался прав, и ты спешишь.

Рим рассыпался в благодарностях, несколько не лукавя. Он действительно был крайне благодарен коллеге.

Они не стали засиживаться в библиотеке Секеля. Хозяин куда-то исчез, и они прощались со всё ещё сидящей за конторкой Медой. Её подруга уже ушла, а рыжеволосая девочка с интересом читала книгу, на чьём старом переплёте Рим увидел изображение простейшего атома. Она весело попрощалась с Дагуром и снова углубилась в чтение.

— Мне казалось, что такие дома надо охранять... — пробормотал на лестнице Рим и смутился, когда Дагур оглянулся.

— Те, кто рискует украсть отсюда книгу, быстро об этом жалеют. Я не знаю, как Секель этого добился, но труп воришки сойдёт ему с рук. Года два назад один попытался стащить журнал. Ну, с тех пор я об этом и знаю. Так что раз он тебя сюда пустил, то читай в залах и не нарывайся.

— Не имею привычки воровать книги.

— Я не обвиняю, а так, предупредил, — немного смутился Дагур.

Они доехали до дома Дагура на трамвае. В полупустом вагоне, кроме них, было ещё трое запоздавших полуночников. Трамвай неторопливо полз вперёд. Дагур с интересом листал вечернюю газету, которую подобрал на одном из деревянных сидений вагона, Рим клевал носом.

— Забавно, — пробормотал Дагур. — С начала осени в каналах выловили предположительно три расчленённых трупа.

— Что тут забавного-то, — пробормотал Рим. Его неудержимо клонило в сон. Вдали от тёмной библиотеки и её желтоглазого хозяина он наконец-то вспомнил о течении времени и том, что утром ему нужно быть на работе.

— То, что мы только что узнали о некоем культе, который любит заниматься нехорошими вещами с трупами.

Рим разлепил глаза и заглянул в газету.

— Тут написано, что их съели?

— Нет. Но Макдара... ты же его помнишь?.. Он как-то проболтался, что на этих останках остались следы разделки, как на костях с рынка, а ему об этом рассказала его друг из корпуса следователей. Об этом предпочли не распространяться, чтобы в городе не началась паника и доложили только королеве.

— И Макдаре.

— Ну, наш коллега на самом деле куда пронырливей, чем кажется и прислушивается к тому, что говорят.

— Так это слухи или достоверная информация?

— Я ему верю. Ещё и в газетах писали.

— В “Королевских тайнах”? — не удержался от улыбки Рим. Римуш закатил глаза и ничего не ответил. Что ж, всё понятно. — Короче, это слухи.

— Считай, как хочешь. Но что-то мне новости о... — Дагур покосился на других пассажиров. Вагон трамвая трясло так, что вряд ли они что-то слышали, но он всё равно

понижил голос. — Об этом культе напомнили о словах Макдары. Вдруг они связаны?

— Надеюсь, что нет, — Рим поёжился. Сама мысль, что его Махуш может оказаться замешан в такой мерзости, казалась совершенно невозможной. Рим вспомнил друга, и ему захотелось выкинуть глупого коллегу в окно. Он отвернулся от Дагура и прижался лицом к стеклу. Мимо проплывали дома, фонари и каналы. Трамвай медленно сделал круг вокруг городской ратуши и вполз на горбатый мост над Большим Каналом.

— Даг, ты же вроде живёшь на той стороне, — Дагур удивлённо посмотрел на приятеля. Тот беззаботно пожал плечами.

— Мне ещё рано домой. Сестра на работе, освободится после полуночи. Вернусь обратно к ратуше и подожду её в храме. Я же рассказывал, она работала во дворце, но пока Скалу не вернули на её место и не восстановили подъёмник, она будет работать на земле у Нового Двора.

— Ага, что-то такое рассказывал, — согласился Рим. Признаться, он мало слушал болтовню Дагура, которая не касалась их дела.

— Так что не переживай. Провожу тебя, а то может быть злые орденцы всё ещё бродят по городу. Ну, как во время войны за Этаки. Война уже закончилась, а они ещё три года держали оборону на Стене Богов.

Рим вспомнил о своём соседе, и настроение резко упало.

Ещё больше оно упало, когда они подходили к его парадной, и чуть ли не лоб в лоб столкнулись с возвращающимся домой Кадмом Анзумом.

На благородном красивом лице альдарца не дрогнул ни один мускул.

— Здравсьте, — Дагур весело помахал здоровенному орденцу и хлопнул Рима по плечу. — Ну что, до завтра.

Кадр Анзум тоже процедил приветствие и скрылся в парадной. Дагур убрал руку с плеча Рима.

— Ну и орясина! И откуда они такие в Ордене берутся. Он хоть мирный?

— Ну да. Он работает в их посольстве. Тут поселился сразу после восстания. Я его вообще третий раз в жизни вижу.

— Держись. Ты хороший парень, а если он начнёт до тебя докапываться, свистни Макдаре.

— Да ну, его ещё впутывать! Он и так мне здорово помог...

— Брось. Ты хороший парень, а он и так уже месяц ищет кому бы морду подправить и отвести душу.

— Не надо выдумывать такие вещи.

— А я не выдумываю. Он до нас пять лет служил на Стене Богов, ага. Думаешь, так легко взять и перестроиться с распорядка фронта и спорных земель на тихую мирную жизнь в столице?

— Не надо всё равно. Я это, пойду?

Они попрощались. Дагур, приплясывая, перешел на другую сторону улицы и направился к остановке трамвая. Он прошел мимо фонаря и низенькой рыжей девушки с такими пышными волосами, что они окружали его голову сияющим орлом. Она стояла ровно, на руке висел зонт, а из-под полы её пальто виднелась зимняя юбка и блестящие лакированные ботинки. Рим на мгновение задержал на ней взгляд. В ней было что-то неправильное, как в девочке Меде и её отце-волшебнике. Рим моргнул. Женщина медленно повернулась и пошла по тротуару следом за Дагуром. Около фонарного столба она остановилась и оглянулась.

Рим вздрогнул и поспешил скрыться в парадной. На мгновение ему показалось, что далёкие глаза женщины сверкнули огнём, чего, разумеется, быть не могло. На лестнице Римуш не удержался, и выглянул в грязное окошко. На трамвайной остановке было пусто, и Дагур уже уехал. Девушка тоже пропала. Там, где он видел её последний раз, стоял чёрный экипаж городского извоза. Рим прищурился. Экипаж как экипаж. Если ему чудится что-то неправильное, то значит, ему стоит пойти и отдохнуть. День был долгим.

Махуш не появлялся.

Осознание, что с ним случилась самая настоящая беда, что возможно, они никогда больше не увидятся, доводило Рима до отчаяния. Повинуясь порыву, он собрал все вещи княжича в бумажную коробку и спрятал в шкафу. Потом достал и перебирал несколько часов, даваясь слезами и ощущением собственного бессилия.

В школу приходил ещё один королевский следователь. Это был гораздо въедливее, задавал нужные вопросы и забрал конспекты Махуша. С ним пришла королевская ведьма. Рим, увидев, как она идёт ему навстречу, испугался до остолбенения. Но ведьма прошла мимо, просто поздоровавшись. Рим даже не сразу понял, что холодный голос прозвучал у него в разуме.

Махуш не находился. О пропаже сына князя объявили по радио. О награде в тридцать тысяч тоже. Поползли слухи. Меркара предположил, что раз пропали и брат, и сестра, то возможно, они просто решили порвать с тираном-отцом, и искать их следует в Элени или Альдари, с другими именами и начинающих новую жизнь.

Рим вспоминал блокноты Махуша и понимал, что это не так. Тогда бы искали и княжеских внуков.

Секель сделал обещанную работу за три дня. В назначенный день сразу после экзаменов Рим, не дожидаясь Дагура, вскочил на первый же попутный трамвай и поехал на улицу королевы Мейлар. Внутри библиотеки, как всегда, было сухо, тепло и пахло книгами. В прихожей несколько человек пили чай и играли в санну. За конторкой около картотеки стояла Меда, на этот раз без подружки. Девочка с интересом читала какую-то книгу и грызла карандаш.

— Папа занят наверху, — сказала она, когда Рим представился. — Вы стенографию знаете?

— Да, — Рим не ожидал такого вопроса.

— Хорошо! Это для вас, — она достала из-под толстого журнала сбоку от себя книжки Махуша и две ученические тетради. — Папа сказал, что вам должно быть всё понятно. Он пронумеровал все фрагменты, связанные с вашей проблемой, и переписал их на мейндском. Он сказал, что вам следует обратить на седьмую и одиннадцатые записи, там может быть интересная информация по теме ваших изысканий. Всё.

Рим посмотрел в прозрачные круглые глаза девочки и задался вопросом, рассказал ли ей отец о культе Хериша. Потом одёрнул себя, что сходит с ума, если в голосе девочки ему послышалась насмешка. Ни один отец в здравом уме не станет рассказывать своему ребёнку такие ужасы. Меда просто повторила слова отца, которые тот специально подобрал, чтобы она не поняла ничего лишнего.

Рим забрал тетради и расположился для чтения в углу одной из комнат книгохранилища. Посетителей библиотеки было больше, чем в прошлый раз, и Рим нервничал, как бы кто не решился завести с ним разговор. Но рассредоточенные по комнатам посетители были заняты своими делами, и он слышал только редкий гул трамваев на повороте и смех играющих.

Римуш открыл первую тетрадь и увидел стенографические закорючки. Почерк у

господина Секеля был красивый, ровный, как будто писал автомат, а не человек. Рим украдкой посмотрел лист на просвет убедиться, что ровные значки не были напечатаны.

Из растрепавшихся страниц выскользнул обрывок бумаги, на которых той же твёрдой рукой в немного старомодной манере было выведено послание лично Риму.

“Записи номер семь и одиннадцать. Получите вознаграждение, придётся поделиться”.

Секель проделал отличную работу. Все зашифрованные записи Махуша были пронумерованы и переведены. Библиотекарь избегал называть Хериша или Махуша прямо, и заменял их имена лаконичными Х. и М. Рим хотел было прочитать все записи по порядку, но не удержался и открыл седьмую, как и советовал Секель.

“Кормилица пришла пятого числа. Я привык к ней. Л/неразборчиво/ жалко. Кормилица забрала нас, но часть ушли. Мера сказала, что это слишком. Мне жалко /неразборчиво, предп. Ривия/ но Кормилица права. Она сильнее, мне страшно, но я пойду дальше. /неразборчиво, предп. “останки Ривия”/ пока не нашли, и она сказала, что если найдут, не будет ничего страшного. Рим был бы в ужасе, не стоит ему ничего говорить”.

Римуш перечитал расшифровку ещё раз, но не смог понять, что именно в ней привлекло внимание Секеля. Слово, принятое им за “останки” могло значить и что-то другое. Сам библиотекарь был неуверен в значении. Возможно, Рим зря перепрыгнул через остальные записи, и контекст сделал бы вопрос более ясным. Он открыл одиннадцатую запись.

“Мера злится. Соврал, что ушел. Она поверила. Бедняга, не могу с ней так. Рим тоже что-то подозревает. Думаю, она права. Они нашли останки Б. и Р. Возможно, нас вот-вот возьмут. Надо поговорить с Кормилицей, она что-нибудь придумает. Реза требует убрать Л. и Китана, потому что они могут нас выдать. Я поручился за Кита, не могу так с соучеником. Надо будет его предупредить. Своя шкура дороже, пусть уедет в Норнал. Лучше быть неученым, но живым. Сам я уже пропал, думаю”.

Рим открыл перевод с самого начала. Секель на полях красным карандашом отметил смены тем и те фрагменты, что касались Хериша. Первые записи начались около года назад. Рим читал задорные описания прелестей членов секты, возмущался необходимостью ублажать какого-то “старого пердуна” с плохой эрекцией.

На описании огромного влагалища четырежды рожавшей женщины и попытках Махуша её хоть как-то удовлетворить Рима чуть не стошнило. Наверняка мерзавец именно для этого и расписывал оргию во всех подробностях.

Полгода назад редкие записи об омерзительных оргиях внезапно прервала паническая запись под номером шесть о некоем ужасе и смерти, потом об “учительнице” и в итоге записи прервались на два месяца. Рим посчитал дни и понял, что это случилось в апреле, за месяц до летней сессии. В те дни Махуш куда-то пропал, вернулся разбитый и больной, отказывался объяснять, где был и отмахивался тем, что Мера в курсе и с ним всё в порядке.

Судя по датам, сразу после экзаменов кризис прошел. Махуш отметил, что почувствовал “изменение” в лучшую сторону, что “учительница” права и о некоем голоде, который жрёт. Это были седьмая и восьмая запись.

Рядом стояла приписка Секеля: “Надеюсь, вы сами догадаетесь, о чём он”.

Рим приложил все силы, чтобы не догадаться и ещё раз перечитал записи за последний год. Оргии, отвратительные описания, кризис, восстановление. Каким же он был придурком, если верил, что Махуш взялся за ум! Учительница? И Кормилица? Они появились в записках почти одновременно. Похоже это какие-то новые члены культа — или одна? Рим поразился, что мало того, что поклонники Хериша существуют, их, похоже, куда больше, чем он мог

предполагать. Рим-то в наивной вере обывателя счёл, что они просто кучка скучающих идиотов, начитавшихся страшных сказок. Он в жизни не встречал пророков забытых богов и даже новых учителей Аши. Лишь один раз такой лже-пророк объявился на кафедре вольных искусств. Сначала он был просто надоедливой занозой, пытавшейся прикрыть собственную никчёмность и неудачливость рассуждениями о том, что научный мир совершил огромную ошибку, отбросив классические семь вольных наук.

В политехнической школе, разумеется, это было очень к месту.

Над философом подшучивали, кто-то откровенно обижался и предлагал ему не пользоваться достижениями “безддушных монотонных ремёсел” и жить без канализации и освещения, холодильных шкафов и удобных плит. И тем более не пользоваться поездами и путешествовать по земле ногами или в деревянной телеге.

А потом он сошел с ума, с ним начал говорить Амазда и диктовать единственно верное толкование Аши. Безумца отстранили от преподавания, судили, признали сумасшедшим, и он куда-то сгинул, к облегчению всех бывших коллег.

Рим пролистал ещё несколько страниц.

После весенних событий тон записей резко поменялся. Прежние насмешки и отвратительные подробности пропали. Махуш чего-то боялся и чем-то восхищался, и постоянно ссорился с Мерой. Записи утратили чёткость. Прошлые записи Махуш делал явно для того, чтобы их прочитали и шокировались. Свежие были обрывками фраз, сокращений, а мысли автора скакали.

“К. сказала привести Меру. Не согласился. Мера ругается и грозит. Мне страшно. Предложил Селара, оказалось, что Кит его уже привёл. Не знаю, что делать”.

Рим почесал подбородок. Перед новым годом тон заметок успокоился, в списках покупок снова появился алкоголь и заметки о театральные премьеры.

“Успокоилось. Убедил, что В. везде с Мерой и охранение хватится. Привёл К. Кормилица сказала, что я молодец. Не знаю. Хочу уйти. И не хочу. Если уйду, мне конец. Если расскажу, конец. Нас утопят в б.к.”

“Селар привел /неразборчиво/. Сказал ему, что он придурок. Нельзя приводить из коллоквиума. К. рассказал о Риме. Предложили привести его. Уговорил не трогать. Надо что-то делать, К. уже третий раз. Надоел”.

Это была последняя запись. Рим успел перечитать тетрадь ещё раз, когда появился Дагур.

— Мог бы и подождать, — электрик радостно плюхнулся в кресло напротив. — Есть что-то интересное?

— Да так, — Рим замялся. Дагур хмыкнул.

— Брось. Я не буду доносить на твоего приятеля, да и Секель тоже. Это не наши проблемы. Считай, что я повёлся на объявление о награде. Конфиденциально сообщу обо всём князю в лучшем случае.

Рим вспомнил про мыслеплётов, открыл рот, чтобы предупредить коллегу, и закашлялся. Он не сумел выдать из себя ни звука, только кашлял и хватал ртом воздух, а в висках колотила кровь.

— Ты в порядке? — Дагур похлопал его по спине.

— Да, в полном, — Рим прекратил попытки сформулировать предупреждение, и кашель с удушьем прошли. Мысли лихорадочно дёрнулись от осознания: ведьма что-то изменила в его мозгу, что он теперь не сможет о ней рассказать. Чёртовы мыслеплёты, проклятые

Аманом! — Подавился, наверное...

— Я возьму? — Дагур немедленно притянул к себе одну из тетрадей. — Есть что-то интересное?

— Да нет... — начал было Рим, но на краю зрения мелькнула белая тень. Господин Секель молча сел в кресло рядом с ними. Звуки библиотеки как-то внезапно стихли, и Рим сжался, поняв, что волшебник решил поговорить с ними без чужих ушей.

— Вы поняли, о чём писал ваш приятель? — холодно спросил он у Рима.

— Если честно, только то, что весной что-то случилось, что сильно напугало Махуша.

Тонкие губы Секеля сложились в снисходительную ухмылку.

— И у вас нет идей, что именно случилось?

Рим внезапно почувствовал себя придурком-студентом за экзаменационным столом, когда он уже облажался с билетом и напряжённо ждёт, будет ли экзаменатор его добивать или смилостивится.

— Честно говоря, нет. А у вас?

— Ну... я предполагаю, что в группе вашего приятеля-княжича появились настоящие последователи Хериша, — Секель внимательно смотрел прямо в глаза Рима. — Знаете, такие, про которых мы говорили, перешедшие грань. Мне кажется, на это очевидно намекает сумбурность записей и некоторые записи, где ваш друг обеспокоен, что внимание его... хм... учителя падает на его близких. Иначе я не представляю, что могло напугать адепта запрещённого культа больше, чем вероятность доноса.

— Такого не может быть! — поспешно возразил Рим. Секель снисходительно улыбнулся.

— Тогда чем вы, такой порядочный, благонамеренный и знающий, сможете объяснить эти изменения?

— Это невозможно. Махуш избалованный сумасшедший говнюк, но он не мог опуститься до такого... до такой чудовищной низости и мерзости!

— Вам виднее, — не стал спорить Секель. — Что ж, я свою работу выполнил. Не скажу что это было сложно, но это определённо было забавно. Давно не сталкивался с подобными вещами. Я уже начал было забывать, в каком городе живу.

— Вы ещё скажите, что наконец-то поверили в Обратный Мейнд, — фыркнул Дагур. — Вы так доказывали, что это миф!

Секель и его одарил презрительным взглядом.

— Те доказательства его существования, что мне доступны, неубедительны. Самое меньшее потому, что в наш век науки со стороны Норнала изучили каждую кочку на обратной стороне Мейнда и не нашли ничего, что можно было бы хотя бы спьяну принять за поселение. Утверждение вашей матери, Дагур, что Обратный Мейнд просто боится показываться мне, я принимаю как абсолютно безумное.

Дагур развёл руками.

— И всё же я всё-таки буду верить маме. Она, к сожалению, всегда оказывается права.

— Твоё право.

— И что мне делать, если ваше мнение верно? — пробормотал Рим. Он обдумал чудовищное предположение библиотекаря, и понял, что если отбросить чувства и мнение Рима о Махуше, как о хорошем человеке, то библиотекарь не так уж и неправ.

Утром пятого дня нового календарного года Рим позвонил от Лармы на кафедру и сказался больным. Он попросил подменить себя на двух экзаменах и обещал на следующий

день выйти. После он оделся и отправился искать Китана. Китана Ферта, если точнее. Студент, мейндец, двадцати трёх лет, член коллоквиума Махуша. На взгляд Рима Китан был туповат, да и особой дружбы между ним и Махушем не было. Но Рим решил рискнуть.

Китан жил на старой улице Свечей, заполненной общежитиями Серого Холма. Рим немного удивило, что вечно прогуливающий пары под предлогом работы молодой человек не съехал из общежития. Многие студенты предпочитали жить за стенами Серого холма. Рим их в какой-то степени понимал. Общежитие школы только на бумагах выглядело комфортабельным жильём со всеми удобствами и канализацией. На деле же даже после всех ремонтов в нём постоянно то не было воды, то заводились клопы, а год назад появились крысы. Эти твари, больше ста лет считавшиеся в Мейнде легендой, вернулись и заполонили город. Говорили, что во всём виноваты железные дороги, и возвращения крыс следовало ожидать. Говорили, что вернулось проклятие Крысолова. Особенно в этом усердствовали газетки вроде “Королевских тайн”.

Рим, будучи помоложе, сам писал статьи в одну подобную. За несколько грошей он сочинял про зубастых ящериц в канализации, про водоплавающего дракона в Большом Озере, про водных людей в Туманах и приключение женщины с зубастой вагиной. Последнее он считал своим шедевром. Рим был не очень хорошим писателем — научные статьи давались ему куда лучше — но тогда он превзошел сам себя. Семиполосная статья в трёх частях прохождение обладательницы опасных чресел породила моду на эту тему, а тираж номера с окончанием разошелся меньше, чем за час.

А через неделю после такого успеха их газетку купили “Королевские тайны” и закрыли. Одновременно Эффи сказала, что уходит. Сказала, что она устала от неопределённости, от безденежья и необходимости постоянно чего-то ждать. Римуш не нашел, что ей возразить. Просто помог собрать вещи, пообещал, что не пропадёт без неё и проводил до извозчика. Он сдержал слово и не пропал. Но диссертацию так и не написал.

Найти нужную комнату оказалось не сложно. Вахтёр на проходной посмотрел на удостоверение преподавателя, почесал затылок и сказал, что наверное, Китан живёт на третьем этаже в тридцать седьмой общей комнате. На третьем этаже маленькая большеглазая девочка с эленийскими глазами-вишенками пояснила, что в тридцать седьмой мужчин отродясь не было, что Китан живёт в сорок седьмой, а Рим может зайти и поесть жареного ботата в знак благодарности за зачёт. Рим не смог вспомнить, есть ли у него вообще такая студентка и когда он поставил ей зачёт, и отказался от такой благодарности.

В сорок седьмой комнате дверь оказалась открытой. Зайдя внутрь, Рим обнаружил тело на топчане в обнимку с запроваженным какой-то дрянью кальяном. Кое-как сфокусировав взгляд, тело сообщило, что Китан отправился на зачёт, но не точно, потому что с Нового Года сосед его не видел.

— Так чего гадаешь, где он? — раздражённо спросил Рим. Паренёк развёл руками и затынулся кальяном.

Поиски осложнились. Китан был единственным из списка Махуша, кого Рим мог найти. Но если пропал и он, то никаких зацепок не осталось. Разве что...

— Кто такой Селар знаешь?

— Так это... Он на зачёте!

— На каком зачёте?

— Не знаю. У вас наверное, — студент наконец-то сумел сесть. — Вы же Римуш, да?

— Угу. Где Селар живёт?

— Так это, он к Махушу вроде съехал... Наверное.

— Чего? К какому Махушу?

— Так это, княжичу, — тело сумело даже сфокусировать взгляд и повысить чёткость речи. — Перед новым годом. А потом вернулся. Хер его знает, где он.

Рим открыл рот, потом закрыл.

— У него фамилия не Серал, а Стакеш.

— Серал это кличка. Это что-то с пертежского, типа котика. Ну он типа как котик ласковый и язык мяг...

— Не продолжай, — оборвал его Римуш. Ингу Стакеш, он же Серал. Надо было потрясти этого придурка посильнее. Не видел он Маха!

— Чёт он всем так нужен, — тело не выдержало напряжения и вернулась в горизонтальную позицию.

— Кому ещё?

— А не знаю. Баба какая-то, после неё ещё голова болела. И рыжая такая, стрёмная, глаза как у жопы Тиары.

Значит, королевская ведьма тут уже была.

— Что ещё за рыжая?

— А Аман её знает. Они и Китана искала. Сказала, они трахаются, а я думаю она пиздит, потому что Китан беспросветный членос...

— Так, заткнись, — велел Рим. Тело заткнулось. — Рыжая, говоришь?

— Ага. Во щас недавно заходила. Вроде ничего так девчонка, я бы подумал, что школьница и малолетка, а вблизи баба страшная, я чуть не обделался, её нахуй похоронили и откопали, а потом ещё и выеб...

— Довольно. Где его комната?

— А это... надо мной. Точно такая же, по лестнице только подняться и налево, там коридорчик и третий блок.

— Это не над тобой.

— Правда? А я думал над...

Рим молча вышел из комнаты, оставив тело пытаться сопоставить своё положение в пространстве и местонахождение комнаты Ингу Стакеша.

В этот час в общежитии было почти тихо. Прилежные ученики были на зачётах, а не очень — отсыпались. Рим миновал общую кухню с одинокой загаженной плитой и не менее одиноким студентом, жарящем себе рыбу, и вышел на лестницу. Наверх, потом налево, в аппендикс коридора...

На краю зрения мелькнуло что-то ярко-рыжее, совершенно невысказанное и в обшарпанном общежитии, и в зимнем Мейнде.

Рим наклонился. Внизу, на уровень ниже него, по чугунной спиральной лестнице вниз спускалась маленькая рыжеволосая девушка в старомодном зимнем пальто с пышной юбкой и большим капюшоном. ореол рыжих волос покачивался на её плечах. На повороте стало видно её лицо и руки. Почти девочка. Рим развернулся и, перепрыгивая через ступеньки, спустился за ней.

Когда он промчался мимо вахтёра и выскочил на невысокое крыльцо общежития, рыжая девочка уже преодолела маленький скверик с неглубоким каналом, отделявшим общежитие от улицы, и садилась в экипаж извозчика.

Рим со всех ног кинулся за ней, но не успел. Он в волнении выскочил прямо на

мостовую и преградил путь другому извозчику. Сидящий на водительском месте мужик в глупой железной шапке чуть повернулся, когда Рим влез в его машину, и недовольно пробурчал:

— Не уверен, что вам сюда, баха.

— Если успеешь догнать тот экипаж, заплачу по тройному счётчику, — пообещал Рим, падая на диван и кое-как захлопывая дверцу.

Водитель молча отвернулся и направил свою машину в указанном направлении. Рим пожалел, что сел на задний диван. Надо было выбрать пассажирское место справа от водителя, тогда ему не надо было бы сидеть в дурацкой позе, вытянув вперёд шею и давая указания извозчику, куда поворачивать и за кем следовать.

Экипаж, в котором уехала рыженькая девочка, ничем не отличался от сотен других, колесивших по Мейнду. Риму несколько раз казалось, что они отстали, но его водитель оказался смышлёным и три раза выходил на след цели. Но удача не может быть вечной, и около норнальского вокзала они попали в затор из десятков машин и двух трамваев. Рим вытянул шею, и увидел, что их цель проскочила между двумя трамваями и уехала, а в свободном проезде тотчас же нос в нос упёрлись две машины, и оба извозчика отказались уступать другому дорогу. Поднялся невообразимый шум из потрескивающих мино-моторов и вопящих клаксонов.

— Мы потеряли их, баха, — сообщил водитель. В его голосе Риму послышалась досада. Он посмотрел на счётчик, удивился, что накрутило так мало и достал бумажник.

— Держи, как обещал.

Извозчик молча забрал деньги, взяв купюру тремя пальцами.

— Довези меня до Нового Двора, а там... посмотрим. Я скажу, куда.

— Вы уверены в маршруте, баха?

— Да, разумеется, уверен. Езжай, — Рим в раздражении откинулся на диван и достал блокнот. Всё случившееся было необходимо записать.

Сначала он аккуратно вписал прозвище Ингу и то, что тот, как оказывается, тоже был в культе. В душе Рима поднялась волна гнева. Какой-то глупый студент удостоился чести быть посвященным в тайну. Своей сестре Махуш тоже всё рассказал, а ему нет.

Рим закрыл глаза и медленно досчитал до тридцати. Экипаж несколько раз повернул. Решив, что разум немного очистился от гнева, Рим снова взялся за карандаш. Ингу следует допросить и пригрозить ему разоблачением, если не развяжет язык. И выяснить, что случилось с Китаном, который не появлялся в общежитии с нового года. Точнее, сначала проверить информацию от той орясины из комнаты, а потом уже приступать к конкретным поискам.

Рим по привычке послуныявил грифель. Он подумал, уж не стали ли Махуш и его сестра пищей для приспешников Хериша. От этой мысли внутри всё похолодело. Даже ногам стало очень холодно, как будто зимний мороз враз выморозил его тёплые ботинки с шерстяными стельками. Да, если Секель не ошибся, культисты приводили... жертв на свои сборища. Могли ли провинившиеся или те, кто не смог привести достойную... жертву, расплатиться своей жизнью? Или могли ли культисты похитить Меру, а Махуш от горя уйти следом?

Всё возможно. Рим сунул карандаш в корешок записной книжки и убрал её в карман.

— Так, мы приехали? — он поднял голову и оглянулся.

— Почти, баха. Ещё один мост, и будем на месте.

— Хорошо... Стой, что ещё за мост? Мы уже проехали мост, — Рим открыл окошко и

выглянул наружу. Они катились по Менду, вот только этот Мейнд был сер, обветшал и безлюден. Экипаж двигался по совершенно пустой улице, без машин, трамваев и даже людей. Только горели голубоватым цветом фонари. Над мостовой стелился сизый безвкусный туман. Рим открыл рот. Когда он садился в экипаж, был полдень, и тумана не было. Извечный огонь разогнал мейндские облака, и давал много света.

Мимо проплыл старомодный дом с кирпичными колоннами и совершенно пустыми окнами. Риму стало не по себе.

— Куда ты меня завёз? — он пожалел, что не взял с собой кинжал. У него был один, лежал в шкафу. Он даже умел им обращаться, пусть и его наставник, прошлый преподаватель этики, до Макдары, советовал Риму без нужды оружие не трогать. Как бы кинжал пригодился сейчас! Его завезли в какой-то убогий старый район, где наверняка живут разбойники и грабители, а это их сообщник, привозящий им жертв.

— Я же говорил, вам не сюда, баха, — прогудел водитель. Рим посмотрел на него и обомлел от ужаса, заметив мелкнувший в смотровом зеркальце жёлтый глаз в окружении чёрной чешуи.

— Остановись немедленно, я никуда не еду! — завопил Рим.

— Уверены, баха? — Водитель оглянулся, и под старомодной железной шапкой показался длинный чёрный клюв и два круглых птичьих глаза.

Римуш завопил от ужаса. Извозчик раскрыл клюв, показав узкий розовый язык внутри. Рим дёрнул за ручку дверцы, вывалился из экипажа на ходу и шлепнулся на мостовую. Тело отозвалось дикой болью. Но страх оказался сильнее. Римуш вскочил на ноги и отбежал от машины. Дверца медленно закрылась. Водитель высунул в окно длинный клюв и щёлкнул им. Под капотом вспыхнуло белым мино-ядро, и Рим отметил про себя, что так не должно быть. Ядро всегда вспыхивает синим, как молнии Океана на краю земли. Экипаж неторопливо покатился вперёд и растворился в тумане.

Рим заплакал. Он слёзно поблагодарил Тиару и Ахито, что легко отделался. Потом, уняв рвущиеся из груди рыдания, оглянулся, чтобы понять, где очутился, но лишь понял, что его радость была преждевременной.

Он по-прежнему был в каком-то ужасно старом и неухоженном квартале Мейнда. Широкий тротуар и новенькую каменную мостовую окружали старые и угрюмые дома. Римуш не был любителем истории, но узнавал некоторые стили. Ямира до того, как нашла более удобного и состоятельного жениха, а он встретил Эффи, рассказывала ему многое об архитектуре города. Кое-что застряло в его голове. Вот кирпичный фасад с витыми полуколоннами. Дому двести лет, такие строили ещё до Чумы. Вот прогнивший деревянный фасад с разбитыми окнами. Его построили семьдесят лет назад в разгар моды на всё эленийское, но деревянные дома оказались слишком требовательны к влажным мейндским зимам, и их быстро поносили. Вот дом с высоким крыльцом и чахлым полисадом. Такие строили при бабке королевы Эллин. В детстве он с семьёй жили в таком. Их ещё можно найти за северным вокзалом, вдоль старых каналов.

Вот слепой темный дом, чьим саманным стенам требовалась побелка. Такие Рим в городе вообще никогда не видел.

На всех домах лежала печать запустения. Даже у тех, в чьих окнах уцелели ставни и стёкла, не светился огонь, фасады облезли и требовали ремонта. Часть лишилась даже дверей. Из признаков жизни на этой странной улице был лишь Рим и горящие унылым белёсым цветом фонари. Эти фонари тоже был истранными, старыми, ржавыми,

поломанными и самых разных форм. Не было даже ветра. Туман неподвижно висел над мостовой. Рим поднял воротник и снова вспомнил свой кинжал. Он оглянулся назад, в сторону, куда уехал чудовищный экипаж и его чудовищный водитель. Ни звука. Рим слышал только своё дыхание и шелест шагов.

— Тиара хранит меня. Дочь огня разгонит тьму. Круг танца — круг жизни. Огонь Амазды хранит мою душу, и изгонит тьму Амана. Тьма не имеет власти надо мной, — дрожащим голосом прокричал он и осенил себя солнечным кругом. Римуш никогда не был поклонником Тиары. Солнечная танцовщица — это что-то про Элени, про их уточённость и чувственность, или про Альдари, их неистовость и летние засухи. Или вовсе что-то страстное и таинственное, как нагие полногрудые статуи из Пертежа. В Мейнде любили Анахиту, тихую и дающую жизнь. А Тиара... Теперь Рим в неё верил искренне и от всего сердца, ибо кто, как не она разгонит среди бела дня колдовской мрак.

И Солнечная Танцовщица услышала его молитву.

Туман, словно испугавшись, истял. Впереди показалась дорога и зарево ночного Мейнда. Он оглянулся. Позади него туман тоже стремительно пропадал. Рим увидел, что мостовая всего в трёх десятках шагов от него упирается в набережную и переходит в крутой горбатый мост. Наверху моста стоял экипаж. Рим не мог его разглядеть, но почему-то был уверен, что это именно тот, откуда он только что едва спасся.

— Амазда хранит меня. Амазда защитит меня. Амазда ведёт меня, — громко прокричал Рим и пошел вперёд к зареву.

Улица тянулась бесконечно долго. Рим шел по ровной мостовой и взывал к Амазде. Когда слова закончились, он принялся петь все гимны, какие помнил. Помнил он немного, и поэтому начал придумывать воззвания сам. Тиара, Элени, Тукас, Ашураш, всеблагая Анахито, Амазда, Великий Мудрый, всесоздатель, всемудрый, всеблагой, всепрекрасный, безгрешный, всемогущий, Законы Мира, в конце концов, бездушные, но неумолимые. А он песчинка, которой не должно быть здесь, а значит, Законы должны вернуть его туда, где ему быть положено.

Между домами стали появляться пустые клочки земли. Иногда можно было разглядеть в темноте руины стен и обломки досок. А улица всё не заканчивалась.

У него начали болеть ноги. Сколько ещё идти? Рим был готов поклясться, что он уже мог бы дойти до Серого Холма, если бы по-прежнему был в Мейнде. Как бы он хотел очутиться дома!

Рим сделал шаг и увидел свой подъезд.

Дом был точь-в-точь, как тот, где жил он. Вот короткий навес над дверью. Вот старые безыскусные изразцы на наличнике. Вот затёрная дверная ручка. Дверь старая, красивая, двустворчатая, с вырезанным на верхней секции лицом человека-змея. А ручка новая, некрасивая, дешёвая. Вот стёртая ступень-порожек из белого камня, вот вбитая в неё приступка для срезки грязи с подошв. Вот крючок, чтобы было удобнее повесить зонт. Вот просевший тротуар, где после каждого дождя или тумана собирается лужа.

Он был перед своим домом. Только дом этот был так же безжизненен и заброшен, как и вся улица.

Входная дверь вздрогнула. Дом задрожал и загудел, как большой колокол. Рим отступил на шаг и попытался убежать, но смог только сделать два шага на онемевших от ужаса ногах. Дверь разлетелась щепками и изнутри, согнувшись в три погибели, вылез длинный, неестественно вытянутый тощий рыцарь в белом плаще с ржавым мечом. Его лицо было

гневной маской с распахнутым в безмолвном крике ртом. Несмотря на гримасу и чёрные провалы глаз, Римуш узнал его. Кадм Арзум, его сосед.

“Я вас ненавижу!” пронеслось над безмолвной улицей. Рыцарь закричал и замахнулся мечом. Рим в ужасе бросился прочь. Он бежал так быстро, как никогда в жизни. Он мчался по пустой улице, неловко подбрасывая колени, а его сердце бешено колотилось. Воздух в лёгких быстро закончился, и он задыхался, беззвучно вопя. Позади бушевала тварь, прикидывающаяся орденцем. Она вопила и редела, размахивая своим мечом. Ржавое железо проносилось над головой Рима. Он чудом уворачивался и бежал. А улица всё не кончалась, и он пришел в отчаяние. Его нога подвернулась и он покатился по мостовой. Рядом звякнула сталь о камень. Он перевернулся на спину как раз для того, чтобы увидеть, как искаженное чудовище встало над ним и замахнулось мечом. Вдали раздалось карканье, и Рим заплакал от ужаса. Слезы брызнули из глаз таким потоком, словно копились там годами. Они жгли щёки, мгновенно заполнили нос и рот. Он едва успел выдавить из себя имя Великого Мудрого. На молитву его уже не хватило. Только на страстное, на горящее желание вырваться из этого кошмара.

Что-то схватило его за шиворот и протащило по мостовой. Тишина закончилась, и на уши Рима навалился оглушительный шум ночного Мейнда. Звенели колокольчики извозчиков, где-то цокали копыта. В глаза ударил яркий свет фонарей и витрин. Он с шумом вздохнул и схватился за впившийся в шею воротник.

— Римуш, это вы? — Кто-то схватил его за плечо и потянул наверх. — Вы в порядке?

Он с трудом, чуть не завалившись обратно, поднялся на ноги. Всё тело болело, а глаза резало светом. Он кое-как проморгался и сумел увидеть, что хозяйкой голоса была высокая молодая женщина в немного старомодном зимнем приталенном пальто и мяленькой шляпке-котелке. Аккуратно свёрнутые в кольца косы обрамляли простоватое, но симпатичное лицо.

— Я... — Он где-то видел это лицо.

— Шерал. Я сестра Дагура. Мы с вами виделись в школе.

— Точно, вы сестра Дага. Простите, я забыл, я...

— Вы в порядке? Вы не расшибли голову?

— Нет, вроде нет... А что случилось?

Шерал удивлённо уставилась на него в ответ.

— Не знаю, я увидела, что вы валяетесь на мостовой и не можете встать. Я подумала, что вас избили. После всех этих событий с восстанием... я подумала, что каким-то молодчикам, которые слишком боятся настоящих кетеков, не понравилось ваше лицо.

— А, нет. Просто... я последние дни слишком много работаю, наверное, устал и упал, — Римуш осознавал, какую чушь несёт, но не мог остановиться.

— Вам бы к врачу, — покачала головой Шерал.

Рим оглянулся. Он был в Мейнде, никаких сомнений. В самом настоящем Мейнде, где-то в районе Ратуши. Шерал подтвердила его догадки.

— Я только с работы. Иду, и вижу, что вы лежите. Так рядом с Новым Двором! Тут рядом храм, может быть, зайдём туда?

— Нет-нет, — Рим замотал головой. — Я вернусь домой и отосплюсь. Завтра у меня свободный день, не надо никуда спешить. А вы идите. Вы, наверное, тоже с работы...

— Нет. Так дело не пойдёт. Я вас провожу домой, а вы пообещаете, что сходите к врачу и отдохнёте, — твёрдо сказала Шерал, и Рим смог отделаться от неё только когда трамвай

подъехала к его дому.

— Я скажу Дагуру, чтобы он за вами проследил, — пообещала напоследок Шерал. Рим пришлось ещё раз пообещать ей и отдых, и врача, и заботу о себе, и только после этого она отпустила его руку, и он спрыгнул на тротуар.

В парадной было светло, сухо и тихо. Рим кое-как поднялся к себе. На последнем пролёте его обогнал Кадм Арзум. Рыцарь, прямой, как палка, в белом мундире, держал в руках бумажный пакет с покупками, а свободной рукой искал в кармане ключи. Рим невольно задумался, который час. Он открыл рот, чтобы спросить об этом соседа, но вместо этого зачем-то сказал.

— Кадм, я не кетек. Мой дед им был, а я просто похож. Правда. Я всю жизнь прожил в Мейнде и никому не делал зла. Не надо меня ненавидеть. Пожалуйста!

Орденец оглянулся на него. Он выглядел очень усталым, а под глазами появились тени.

— К чему это вы?

— Я знаю, что вы меня ненавидите. Вы... вы наверное потеряли во время войны и осады близкого человека? Или... Я... извините, несучушь. Я не делал никому ничего плохого. А вы меня ненавидите. Мне тяжело с этим жить. Пожалуйста, поймите, я не делал вам ничего плохого, чтобы ваше братство меня ненавидело.

— Моё братство? — Кадм словно с трудом осознал эту мысль. Потом подавил зевок и кивнул. — Дело не в братстве, Римуш. Откровенность за откровенность, хорошо? — Кадм достал ключи. — Братство тут ни причём. Они просто убили всю мою семью. Отца, мать, маленького брата. Так вот, мне плевать, кто твои предки и сколько они жили в Мейнде. Пока я не начал убивать тебе подобных на улицах — это моё дело и более никого не касается.

Орденец с шумом выдохнул. Потом его лицо расслабилось и стало очень грустным.

— Я не собираюсь доставлять тебе неприятностей, даю слово, Рим. Мой разум осознаёт, что я не прав, но сердце разуму не подчиняется. Но... мои мысли это мои мысли. Спокойной ночи.

Кадм вошел в квартиру и закрыл дверь. Лязгнул внутренний замок. Рим медленно открыл свою дверь и зашел внутрь. Потом так же медленно дверь закрыл. Он прислушался к происходящему вокруг, но не услышал ничего, кроме звенящей тишины и далёкого звонка трамваев.

— Шерал сказала, что нашла тебя без сознания ночью на улице, — без предысторий объявил Дагур. Рим молча посмотрел на коллегу. Меркара, как всегда, был тут и крутился в новеньком кресле секретаря кафедры. Неугомонный пертежец, даже зимой, в пору вечных туманов и облаков, выглядел смуглым и отдохнувшим. Римуш иногда ему завидовал и подозревал, что в вечной бодрости коллеги замешано какое-то пертежское колдовство. Ну не зря же о них идёт такая молва.

— Шерал преувеличила, — вздохнул Рим. — Я просто упал, правда. Но я очень благодарен ей за внимание.

— Ну да, просто упал, — прищурился Дагур, и Рим почувствовал, как от этого взгляда у него волосы на затылке встали дыбом.

Последние дни он стал слишком нервным и слишком уставал.

Рим проспал до полудня, а на работу пришел уже ближе к закату. Можно было и не приходить, дел всё равно не было, но Рим собирался попросить Дагура сходить с ним к Секелю. Пусть при свете дня случившееся стало казаться нереальным, он был уверен, что не сходит с ума. Возможно, у него случились галлюцинации от усталости. В возможно, что его действительно намеренно похитило одно чудовище, а второе пыталось убить. Римуш был уверен только в том, что у случившегося было рациональное объяснение и он был готов в него поверить, если его предоставят. Даже в то, где по Мейнду бегает жрица Хериша, которая должна съесть десять тысяч людей и пробудить своего бога к жизни. Или после этого посреди Мейнда появится его храм из переваренной плоти жертв. Или ещё что-нибудь, на что фантазии Римуша не хватало.

— Твоя сестра — это такая долговязая в старом пальто? — оживился Меркара. — А познакомишь?

— С тобой — нет, — отрезал Дагур. — Уж лучше с Макдарой или Имехиром!

— А чего это так? — обиделся пертежец.

— Ей во дворце ещё работать, — Дагур нахмурился. Меркара закатил глаза.

— Похоже, в Мейнде можно прожить целую жизнь, но так и не стать своим.

— Как только снимешь со своего лба табличку “я из страны колдунов”, тогда сразу.

— Ну да, разумеется.

Римуш не стал их слушать. Он заварил себе крепкого чая и быстро просмотрел своё расписание на ближайшие дни. Если бы он знал, что всё так обернётся, то Ингу бы не ушел от него просто так, пожав плечами и заверив, что не видел Маха уже несколько дней. Рим пожевал губы. Он привык к тому, что княжич просто не способен к тому, что называется “приличная” или хотя бы “пристойная” жизнь. Он смирился с любовниками и даже смирился с неприятным ощущением, что нужен Махушу только для учёбы и помощи с конспектами. Смирился с мерзким ощущением, что его поменяли на молодого и красивого юношу, а он дурак и готов жрать объедки с барского стола.

Рим не любил своего студента Ингу Стакеша, не желал ему добра и понятия не имел, где его искать.

Но Ингу нашелся сам. Молодой человек просочился в преподавательскую сразу после обеда. Рим, заполняющий журнал ведомостей и cedящий чай, даже не заметил, когда он

вошел. А заметив, не поверил тому, что видит.

— Добрый день, баха Римуш, — юноша очень неуверенно прошел к столу Рима. Всегда красивый и уверенный в себе Ингу выглядел неважно и страшно уставшим. Рим, возможно, даже не узнал бы его, встретиться они на улице. — Маста Меркара прислал меня к вам.

— Зачем?..

— Сдать зачѣт. Вы мне тогда так и не проставили из-за восстания...

— Не не проставил, а ты не сдал, — поправил его Рим. Его сердце забилося чуть быстрее от осознания своей удачи и неприязни к этому человеку.

— Разве? — не слишком убедительно удивился Ингу. Юноша выглядел неважно. На красивом румяном лице появились нездоровые пятна, а под глазами — тени, как будто он очень давно не высыпался.

Уж не связан ли он с пропажей Махуша? Рим вспомнил про людоедство последователей Хериша, про записки княжича, про пропажу его сестры и королевского мыслеплѣта. Он столько всего видел за эти дни! А теперь ещё и увидел живого людоеда. Сможет ли он отбиться, если Ингу бросится?

— Нет, у тебя нет зачѣта. Его надо сдать, это раз.

— А может быть...

— Нет, — Римуш прищурился. Ингу он запомнил не таким. Тот юнец был напористым, держался уверенно, но, Рим был вынужден признать, без лишней наглости.

— Маста, я буду вынужден уехать на каникулы...

— Ингу, при всем моём хорошем отношении к тебе — нет. Есть правила, и они для всех.

— Хорошо, — неожиданно просто согласился юноша. — Когда я смогу сдать его?

— Да хоть сейчас. У меня есть ещё полчаса.

— Нет, простите, маста, сейчас я не могу.

— Почему?

— Я плохо готов.

— Ты прилежно ходил на занятия весь семестр, ты хороший студент. Попробуй, возможно, и не придётся ждать.

— Нет, простите, я всё же в другой раз, — парень отпрянул от его стола. Рим понял, что чем-то смертельно напуган. Разумеется, причина страха была не в нём. Кто он такой? Простой преподаватель, даже не самый уважаемый или заслуженный, и уж точно не самый грозный и въедливый.

Чего мог бояться молодой красивый юноша, мейндец, из хорошей семьи, с любовником-аристократом? Чего мог бояться людоед в Мейнде?

— Постой, — велел Рим.

— Я тороплюсь, извините, мне ещё...

— Из тех, кто ходил на ваши собрания, пропали уже двое, — негромко сказал Римуш, оглянувшись на секретарский стул. Меркара куда-то ушел, и он надеялся, что вернѣтся не скоро. — Махуш, Китан. Возможно, сестра Махуша. Не слишком много трупов, пусть и для нового учителя? Сколько вы уже едите людей? Полгода?

Рим постарался, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно, как будто он всё знает. Он слышал свой голос, и скажи ему кто такие слова, он бы не поверил. Римуш сам был напуган и замучен, но Ингу хватило. Юноша затрясся, как лист на ветру, а лицо болезненно исказилось.

— Вам Махуш рассказал?!

— Да.

— Врёте, — взгляд Ингу стал безумным. Он сжал пальцами свою сумку и неожиданно зло прорычал, — Не рассказывал! Иначе бы вы этого не сказали! Ты бы знал, что об этом надо молчать! Ты...

— Прекрати кричать, а то сейчас весь этаж сбежится послушать подробности, — оборвал его Римуш. Осознание, что парню в разы страшнее, чем ему сейчас, помогло удержать спокойное лицо и ровный голос. — Сядь. Нам надо поговорить.

Римуш прошел к двери и закрыл её, оставив ключ в скважине. Кто-нибудь, у кого в кармане заваляется простая шпилька для волос, или волшебник, легко отопрёт замок, но Рим успеют услышать звук и не сболтнуть лишнего. Он вернулся за свой стол с кувшином воды.

— Выпей воды, на тебе нет лица. Хочешь есть?

— Не надо, — Ингу кое-как сел на свободный стул и ссутулился. — Что вам надо?

— Узнать, что случилось с Махушем. Он пропал.

— Да, я знаю. И князь дан Ракеш тоже. Ну, знает. Он его ищет и никак не найдёт.

— Тебя... допрашивали?

— Нет. — Глаза у Ингу стали как два золотых лотоса. — Они за мной не пришли. Они пришли за Ландой, но меня не тронули.

— Ланда ещё кто такая?

— Вы не знаете? Мах ушел к ней...

— Если бы я следил за всеми, с кем он трахается, я бы сошел с ума от подсчётов, — в глубине души Рима шевельнулся гнев. Мерзкий, проклятый блудливый щенок, недостойный, чтобы за него волновалась хотя бы одна живая душа.

— Её допрашивали, но она не из наших. А наших я не знаю, пока не трогают.

— Ещё бы. Всего двое пропали.

— Это не дан Ракеш. Если бы о нас узнали люди королевы, нас бы уже всех похватили, — Ингу снова взял кружку в руки. — Нет. Это кто-то другой. Кто-то хуже.

— Кто может быть хуже вас?

Ингу прищурился.

— Махуш вам мало рассказывал.

— Это точно. Может быть, всё-таки бутерброд? Ты выглядишь ужасно.

— Я в порядке, насколько это возможно в моём положении, — тихо сказала Ингу. Из него вырвался нервный смешок. — Если выживу, отъежусь. Вы не правы, не двое попали. Ещё трое не выходят на связь после нового года. Если бы это были люди королевы, взяли бы всех, да ей сейчас точно нет до нас дела. Это кто-то другой.

Рим не стал спорить.

— Ингу, они не могли пропасть из-за... других членов вашего культа?

Юноша помотал головой.

— Нет, это исключено. И Учитель говорит, что это другое. Она велела нам прекратить собрания и ждать её знака, и что она сама разберётся с происходящим.

— А ты пришел на зачёты.

Юноша засмеялся, потом грустно покачал головой.

— Если меня отчислят, то уже не восстановят. У меня нет отца-князя, а у моей семьи — денег, чтобы оплатить образование. Мне и так повезло, что я выиграл королевскую стипендию и обучение.

Это уж точно.

— Я поставлю тебе зачёт. Но попрошу в обмен рассказать об этом Учителе. Или Учительнице, Кормилице, как вы там её называете, — Рим тотчас же пожалел о сказанном. Ингу вскочила на ноги и затравленно оглянулся.

— Нет!

— Я никому не расскажу!

— Не смейте просить об этом! Это не вашего ума дело! — юноша бросился к двери.

— Я донесу на ваш кружок! — чуть громче, чем хотел, крикнул Рим. Ингу, уже пытающийся открыть замок, замер и оглянулся. На его лице была такая невообразимая мука, что на долю мгновения Риму стало стыдно за себя. Но он справился с мимолётной слабостью.

— Я донесу на ваш кружок поклонников Хериша, и будете уже королевским следователям объяснять, как именно и в каких позах вы трахались в его славу и кого именно сожрали! Вас утопят в Большом Канале или зальют известью в шахтах Норнала... Ингу прекрати дурить! Сядь на место немедленно!

Юноша несколько бесконечно длинных секунд колебался. Потом медленно опустил руки и на дрожащих ногах вернулся к столу Рима.

— Я ищу Махуша, и я хочу разобраться, что произошло. Всё. Расскажешь мне, что это за учитель и пойдёшь. Я никому ничего не расскажу, и даже не буду брать с тебя клятву остановиться, — Рим сглотнул. Он подумал, что вот этот тощий задёрганный и насмерть перепуганный мальчик перед ним съел человека. Убил и съел. И он такой не один, их несколько. Они сели в кружок и сожрали живого человека, из плоти и крови. Перед этим убив. Вряд ли они озаботились похищением трупа из морга медицинской школы. Рим вздохнул и попытался улыбнуться и не думать о том, сколько ещё кровожадных мерзких тварей каждый день здороваются с ним, пытаются выклянчить поблажку или просто проходят мимо на улицах.

Ингу молчал.

— Ты сказал, что это “она”, — Рим решил, что ему нужно направление для разговора.

— Ну да, она. А Махуш вам не рассказывал?

— Он старался не говорить слишком много. Если бы я знал всё, то я бы не расспрашивал тебя сейчас.

Ингу кивнул. Потом сел на стул и выпрямился.

— Хорошо, я вам кое-что расскажу. Только не спрашивайте слишком многое, умоляю! Нас было... где-то дюжина. Не знаю, кто всё начал. Мы встречались, и это была игра. Что-то вроде круга любви. Вы ведь понимаете, о чём я?

— Понимаю. Продолжай.

— У нас был круг любви. Меня туда привёл Мах. Это было весело, и совершенно безобидно. А Кормилица... Это она. Она пришла прошлой весной. Я не знаю, откуда она взялась и кто её привёл. По-моему Тивлий. Или нет. Он наш бывший наставник. Честно говоря, не знаю. Я не следил за этим. Она приходила два раза, и всё было по-прежнему. А на третий она выпустила из Тивлия всю кровь и предложила нам её выпить, чтобы... познать Хериша.

— Вы выпили?

Парень как-то сжался.

— Да. И... и больше. Она его разделала, а мы съели. Я не знаю, почему. Может быть, она нас околдовала. Я подумал, что она подмешала что-то в благовония, потом вспомнил,

что их готовил Тивлий, но...

— Он её привёл.

— Ага. Я помню только вкус мяса. Знаете, какой на вкус человек? Как дерьмо. Всё дело в благовониях, да. Мы были как во сне и не могли сопротивляться её словам. Она... она вся такая маленькая, но у неё огромные глаза и рот. Один раз увидишь — никогда не забудешь. Мне казалось, она может откусить мне голову. Я... я плохо помню, что тогда случилось. Мы разошлись... и... в общем, я не хотел туда возвращаться, но она сказала, что... что расскажет всё, и я...

— Понятно, — Римуш не хотел слушать дальше. Никаких подробностей. Ингу смотрел на него круглыми безумными глазами, и Рим подумал, что спроси он, как именно они разделявали человеческие тела и как обглаживали кости, мальчишка расскажет. — Как звали эту женщину?

— Я не знаю. Она не назвалась, а никто не спрашивал. Мы называли её Учительницей.

— Или Кормилицей. Потому что она вас кормила, да?

— Да.

— Понятно. Ты знаешь, где она или как её найти?

— Нет! — Ингу затряс головой. Рим налил ему ещё воды, и парень залпом её выпил, капая на шею и грудь. — У нас было место сбора, но сейчас там ничего нет, а она запретила нам там появляться. Она сама нас находит и всё сообщает.

— Когда она последний раз выходила на связь? — тихо спросил Рим.

— Давно. Я уехал из общежития и спрятался у друга. Никто не знает об этом месте и не найдёт. Оно, — парень понизил голос. — Под защитой богов! Я... в общем, я подумал, что ничего страшного не будет, если я приду в школу, и... Не говорите ей пожалуйста, что я вам это всё рассказал!

— Клянусь, не скажу, — легко согласился Рим. — Спасибо, что рассказал, Ин. Давай, я тебе зачёт поставлю. Ты мне очень помог.

Рим лукавил. Что делать с новым знанием он не имел ни малейшего понятия. Что ему делать? И та девчонка, которая искала Махуша вместе с ним? Единственной его мыслью было, что рыженькая девочка, которая тоже искала Ингу, была дочерью библиотекаря Секеля. Но зачем рыженькой школьнице какой-то студент, пусть и культист Хериша? Секель же не мог сойти с ума и посвятить совсем юную дочь в такие ужасы. Он, конечно, сам людоед, пусть и вынужденный... Римуш одёрнул себя. Право покинутых не имеет ничего общего с тем, во что впутался Махуш. Покинутые пытаются выжить, а эти ужасные поклонники Хериша — лишь тешат своё удовольствие. Разница слишком велика.

Рим ненавидел Махуша за то, что тот впутался в эту грязь, и Меру за то, что прислала ему книжки брата, Дагура, который предложил помощь Секеля, и самого библиотекаря, что с бесчеловечной жестокостью и прямоотой перевёл шифр Махуша и открыл эту ужасную правду.

Так не могло быть. И всё же так было. При свете дня на смерть перепуганный юноша подтвердил все ужасные выводы господина Секеля.

Рим не поехал к Секелю, а взялся подменить Макдару на экзамене. Пертежец мог бы принять и сам, но ему было лень, и он предложил Риму отработать свою замену.

Экзамен Рим принимал спустя рукава. У него не было сил сосредоточиться на предмете, и студенты немедленно этим воспользовались. Римуш щедро раздавал хорошие оценки, пару раз отказал ставить отлично особо наглым, и один раз отправил на пересдачу

особо неподготовленного.

Из школы он вышел абсолютно выжатый и уставший. Домой Риму не хотелось. Он вообще плохо понимал, что ему следует делать. Его мир внезапно пришел в движение и требовал действий. Вот только что он мог сделать, не рискуя своей шкурой и жизнью? Ровным счётом ничего. Он не был героем, и ему оставалось только по-прежнему есть, пить, спать, ходить на работу и ездить к сестре на праздники, смирившись с тем, что его собственные студенты замешаны в ужасном культе людоедов, что эти люди живут с ним в одном городе, ходят по одним улицам, ходят к нему на пары и смотрят в глаза. Что его Махуш был таким же, приходил к нему домой, обнимал, дышал, спал в его кровати, ел его еду.

Римуш вспомнил, как Мах приносил с собой ужин, котлеты, мясные рулеты, лапшу или мясо под соусом с общественной кухни, и его стошнило. Римуш едва успел добежать до края тротуара и склонить голову. Прохожие шли мимо. Один сердобольный мужчина предложил ему платок. Римуш поблагодарил и пробормотал оправдания про отравления.

Рим постоял, приходя в себя и дыша ртом. Рядом с ним медленно остановился экипаж городского извоза с затенёнными окнами. Одно из окошек опустилось, и оттуда высунулось лицо Ингу Стакеша.

— Маста Римуш, — тихо сказал юноша. Риму пришлось приблизиться к машине, чтобы расслышать своего студента в городском шуме. — Вы в порядке?

— Чем-то отравился.

— Маста Римуш, пожалуйста, забудьте про всё, что я вам говорил. Умоляю! Вы ничего не сможете сделать, не поможете бедняге Маху, а навредите себе. И спасибо за зачёт.

— Эм, — Римуш не знал, что и сказать. — Не за что.

Юноша улыбнулся и отодвинулся от окна. Взгляд Рима скользнул внутрь экипажа, и наткнулся на горящий жёлтый глаз. Извозчик в старомодной железной шапке с серым пером сидел, чуть повернувшись к пассажиру, и следил за ними. Тень падала на его лицо, но Римуш его узнал. Его сковал безумный страх.

Ингу что-то сказал, наверное, попрощался, и экипаж тронулся. Медленно проплыл мимо. Римуш не мог пошевелиться, и ему стоило огромного труда повернуть голову вслед. Чёрная машина медленно ехала вперёд, потом на перекрёстке повернула, и на мгновение скрылась за вагоном трамвая. Когда тот проехал, извозчик пропал.

Рим, спотыкаясь и вздрагивая, кинулся к ближайшей остановке.

Ближе к дому Римуш наконец-то успокоился и начал рассуждать. Ингу ехал в экипаже, это логично. Он опасается чего-то, и не хотел ехать на транспорте с людьми. Хотя лично Рим считал, что украсть человека в людном месте в разы сложнее, чем в безлюдном, пусть. Что за рулём сидит птицеголовое чудовище, Риму показалось. Водитель был самым обычным, с человеческим лицом и руками на рулевом колесе. А что до железной шапки, то многие извозчики по старой памяти носят их в новых самоходных машинах, в которых ещё проще оглушить и ограбить водителя водителя: пассажир-то сидит буквально за спиной. Стенки между передними и задними сидениями стали ставить совсем недавно.

Значит, Рим просто зря перепугался. Возможно, у него нервное истощение, он не может смириться с тем, что Махуша уб... Он затряс головой. Махуш не убит. Он...

Рим перестал об этом думать. Реальность складывалась в слишком жуткую картину.

Вместо этого он зашел на общественную кухню, купил себе ужин и бутылку молока на завтрак.

Около подъезда его встретила маленькая рыжая женщина. Кудряшки пылающим орелом окружали лицо сердечком с большими желтоватыми глазами и широким ртом. На вид девочке было не больше шестнадцати, вчерашняя школьница. Она не была красавицей, но, как и дочка библиотекаря Секея, притягивала взгляд своей неправильностью. Вот только Меда была приятна глазу, а с этой было что-то не то. Римушу не нравились ни круглые глаза, ни широкий безгубый рот. Девушка выглядела эффектно издали и пугающе вблизи. Рим так и ждал, когда она раскроет свой широкий рот, а там будет много-много зубов, как в сказке про канальную кикимору.

— Добрый день! — заговорила незнакомка. Зубов во её рту оказалось ровно столько, сколько положено иметь человеку. — Вы — Римуш?

— Да, — ему не понравилось, что она обратилась к нему сразу по имени.

— Я бы хотела с вами поговорить.

— Мы знакомы? — Римуш бочком протиснулся в открытую дверь парадной. Кто-то снова поленился держать её, пока заносит тяжелое, и подпёр дверь куском кирпича, а Ларма ещё не пустилась в вечерний обход хозяйства.

— Я хочу поговорить об одном вашем студенте.

— Нет, — Рим пригляделся к её лицу, и понял, что перед ним далеко не девочка. Неровный свет уличного освещения скрывал серые тени под глазами и нарисованный румянец. — Все вопросы решаются только через деканат! Вы с ума посходили! Караулите уже под дверью!

Он вырвал рукав из её рук и сделала шаг назад. Против ожиданий, женщина осталась на месте.

— Можно мне войти?

— Простите, что? — Рим решил, что она шутит.

— Разрешите мне войти?

— Что за глупый вопрос? — ему стало не по себе от необъяснимой тревоги.

— Простая вежливость, Римуш. Это же ваш дом. Можно войти? — девушка улыбнулась. Она наверняка попыталась сделать это дружелюбно, но вышло зловеще. На мгновение Рим увидел в бледной щели её рта два ряда острых крепких зубов, которыми удобно рвать плоть.

Огромные глаза и рот, которым можно откусить голову. Один раз увидишь — никогда не забудешь.

— Нет. Не подходи, — Риму очень хотелось посмотреть, нет ли поблизости птицеголового извозчика в старом шлеме, но страх не дал. Он отшатнулся от двери и побежал вверх по лестнице. Сердце бешено колотилось. Трясущимися руками он достал ключи и услышал, как кто-то входит в парадную. До него донёслось усталое “Да, разумеется, проходите, что за глупый вопрос?”

Рим ввалился в квартиру и закрыл дверь на все замки. Он привалился к ней спиной и зажал руками уши.

В дверь постучались.

— Нельзя войти! Исчезни!

Стук на мгновение прекратился, потом раздался чуть надтреснутый голос рыженькой пожирательницы плоти.

— Римуш, я хочу с тобой поговорить. Я не причиню тебе зла! Только скажи, куда делся Ингу?

Рим на четвереньках отполз от двери. Голос пожирательницы стал чуть тише.

— Он ушел к тебе сегодня, Римуш. Куда он делся, ты не знаешь?

— Не знаю! — он с трудом встал на ноги. — Уходи! Амазда хранит меня!

— Он забыл этот мир, — донёсся тихий шопот. Он звучал, казалось, отовсюду, — Римуш, скажи мне, и я уйду. Я дам тебе, что захочешь. Ты не представляешь, сколько всего я могу. Хочешь золота?

— Ты не можешь войти, — догадался Рим. — Ты вообще не человек, ты тварь Амана!

— Римуш, пожалуйста. Я беспокоюсь за Ингу. Кто-то их убивает. Кто-то, кто куда хуже меня!

Рим не стал слушать. Он достал из аптечки два ватных тампона и заткнул уши. Немного помогло. Потом он сел и поужинал, делая вид, что слышит шепота и слёзных просьб. Потом по лестнице прошаркала Ларма, зачем-то потрясла его дверь и поздоровалась с вернувшимся домой рыцарем Кадмом Анзумом. После всё стихло.

Перед сном Рим с трудом поборол желание подойти к двери и посмотреть, нет ли там кого. Он нашел в аптечке выписанные ему год назад капли от бессонницы, убедился, что они давно высохли, выпил две рюмки коньяка и отправился спать.

Ему снился Махуш.

Княжич стоял на другом берегу канала и махал руками. Потом между ними появился горбатый мост, и Рим побежал вперёд навстречу другу. Движения давались тяжело, как будто он бежал в воде и был пьян. На середине моста взволнованный Махуш внезапно превратился в птицеголового извозчика на трёхколёсном прогулочном велосипеде.

— Хе-хей, — усмехнулась тварь и погрозила трёхпалой птичьей лапой с длинными когтями. — Тебе пока рано.

И Римуша отшвырнуло прочь.

Он проснулся.

На лестничной площадке что-то происходило. Пахло гарью и горячей проводкой. Рим подскочил в своей кровати и побежал к двери.

— Горим! — раздался женский голос.

— Где Ларма? Пожарных вызвали?

Рим протёр слипшиеся глаза. Только этого ещё не хватало! Он забыл и кошмар, и ужасный день, и неприятную тяжесть начавшего наполняться мочевого пузыря.

— Её квартира горит! — истошно прокричал женский голос. — Сделайте уже что-нибудь! Несите ведра!

— У меня есть ведро! — закричал Рим, хватая оное с крючка над унитазом. Он распахнул дверь, и на него пахнуло дымом. Горело где-то наверху, он увидел отблески огня и мечущихся соседей. Напротив него жила семья с двумя детьми, и теперь мать, схватив растерянных малышей в одних пижамках, пыталась протиснуться вниз.

— Я помогу! — Рим сделал шаг вперёд.

Его ударило в грудь и повалило.

Дым пропал. Шум пропал. Отблески огня пропали. Около двери соседей одиноко горела одна единственная лампочка.

Рыжая пожирательница вскочила на его грудь, не давая толком вздохнуть, и нагнулась к лицу. Её рот раскрылся, как у лягушки, до ушей, а в глазах заплясал огонь. Рим истошно завопил и попытался скинуть её с себя, но рыжая быстро отпихнула его руки и навалилась всем весом.

— Где Ингу? — прошипела она. Каждый раз, когда она открывала рот, Рим чувствовал

зловоние гниющего мяса. Лицо женщины шевелилось, как будто что-то невообразимо бесформенной нацепило на себя человеческую кожу.

— Я не знаю! — завопил Рим. Рыжая ударила его в горло, и его крик захлебнулся бульканьем.

— Я отгрызу твои пальцы, я огрызу твои члены, откушу тебе голову и съем твоё ещё бьющееся сердце! — капая слюной, пообещала пожирательница. — Говори, где он!

Внезапно Рима оглушил звук выстрела. Ощущение чужого тела пропало. Вспыхнул свет. Рыжая откатилась в сторону, и раздался ещё один выстрел. Кадм Анзум перешагнул через валяющегося на лестничной площадке соседа и выстрелил по твари ещё раз. Рыжая увернулась и на четвереньках, вывернув суставы, как ящерица, уползла вниз. Болтавшийся над головой рыцаря огонёк нырнул вниз следом за ускользящим чудовищем. Кадм Анзум перегнулся через перила и что-то пробормотал.

Хлопнула дверь парадной.

Рим лежал на спине и хватал воздух ртом. Он был жив, и не мог в это поверить. Грудь судорожно поднималась и опускалась, а на штанах ощущалось неприятное тепло. Рим вздрогнул и сел, прикрыв позорное пятно краем длинной рубахи.

— Ты в порядке? — Кадм Анзум вернулся к нему, сжимая простой и неказистый револьвер, и протянул руку. Рим принял её, и рыцарь одним движением вздёргнул его на ноги. Орденец был в простой фуфайке с короткими рукавами и домашних штанах, которые были ему коротки и едва прикрывали икры. Судя по встрёпанным волосам, он выскочил прямо из постели, но при этом на шее у него висел уставной амулет со скрещенными мечами и семью бусинами-розариями. Рим некстати вспомнил, что семь бусин — семь выстрелов. Столько держал амулет. Или семь стрел и семь ударов мечом. Он не знал, как делают эти амулеты и как они работают. Знал только, что на вере носителя в свою неуязвимость, но вера такая хрупкая вещь.

... да какая, к чёрту, разница, особенно сейчас?!

— Да, то есть нет, — пробормотал Рим. Анзум его не слушал. Он вернулся к лестнице и посмотрел вниз, подсвечивая себе обычным фонариком.

— Что это было? — рыцарь оглянулся на него.

— Не знаю. Она... пыталась попасть в дом. Я не пустил, но похоже, кто-то пустил её в парадную....

— А, понятно, — неожиданно кивнул Кадм. — Ты к себе в квартиру её пустил?

— Да, похоже на то, — Рим совершенно не помнил, что произошло перед тем, как он увидел перед своим лицом зловонную пасть. Какой-то пожар, да, но сейчас точно ничего не горит. Пустил ли он тварь к себе? Римуш не мог вспомнить. Затылок гудел от удара о пол. Может быть, и пустил. Что ему тогда делать? Ехать к сестре? И привести тварь к ней? Или сбежать в школу? Выходить одному на улицу ему тоже не хотелось, и он принялся спешно подбирать слова, которые убедили бы рыцаря помочь ему хотя бы добратсья до телефона в дежурной каморке Лармы в соседнем подъезде.

— Давай ко мне, — Кадм Анзум погасил фонарь. — Утром что-нибудь придумаем.

— Я... — Рим замялся. Такого он не ожидал.

— Одеяло и подушку бери, ляжешь на кушетку, — Кадм развернул его в сторону квартиры. — Быстрее, мне завтра ещё на работу, и тебе, кстати, тоже.

Рим возражать не стал.

Он забежал в душ, снял штаны и кинул их под раковину. Потом обтёрся влажным

полотенцем и счёл, что после этого снова может уважать сам себя. Потом Рим схватил самое необходимое с кровати, паспорт и кошелёк, и пошел к соседу.

Гостиная-кабинет рыцаря, где стояла кушетка, выглядела уныло. Убогие обои в пошлый цветочек клеили во всех пустующих квартирах в последний ремонт. Мебель тоже не самая новая. Кушетка оказалась простеньким диванчиком на деревянных ножках, как у стула. Кадм взял с неё стопку книг и переложил на стол, который выглядел единственным более или менее обжитым местом в комнате. Тут стояла простая настольная лампа, лежали тетради, а на стене перед столом развешены пиктографии в простых рамках. Пока рыцарь убирал свои книги и бумаги, Рим не удержался и рассмотрел их.

Часть была обычными фотографиями друзей на отдыхе и коллективов вместе. Рим узнал на одной из фотографий башни Альдари. Он видел их в учебниках, но никогда так, почти вживую. Ещё несколько маленьких пиктографий запечатлели людей в старомодной одежда. Мужчина и женщина в альдарских платьях, женщина средних лет в костюме жрицы Тиары, старик с младенцем на коленях. На одной, сильно выцветшей, мальчик и девочка стояли под бумажным зонтиком посреди цветущего летнего поля. В этом же поле сидела женщина в ситцевом платье с круглым животом, а рядом сидела девочка, на этот раз без зонтика.

Центральное место занимала фотография молодой девушки с красивым альдарским лицом, прямым носом и чёрной косой. Она улыбалась, приложив к красивым полным губам указательный палец, словно призывала к тишине. Не смотря на красоту девушки, её портрет выглядел невообразимо пошло.

— Это ваша невеста? — спросили Рим. Кадм оглянулся на рамки.

— В центре? Нет, сестра.

— Ммм, похожа на вас, — Рим страшно смутился. — Она тоже рыцарь?

— Нет, она сестра Тиары. Так что у меня, можно сказать, есть опыт общения с этой чертовщиной.

— Разве сестринство — не часть Ордена? — Рим всегда считал Тиару орденской богиней. Да, в храмах Мейнда, разумеется, были её изображения, и Неистовая Дочь поминалась в гимнах, но большинство горожан вряд ли часто ей молилось. И точно бы не называли Тиару, как альдари, любимой дочерью Амазды.

— Нет, разумеется! — тема явно не нравилась его спасителю, и Рим предпочёл заткнуться. Он кое-как устроился на кушетке, просунул ноги под подлокотником и прислушался, как отошедший рыцарь проверяет замки.

— Я встаю в шесть, но можешь спать до семи, я не шумлю. Дальше... — рыцарь потянулся к выключателю. — Короче, посмотрим утром, что можно сделать.

Он выключил свет. Рим заставил себя открыть рот.

— Кадм, спасибо большое. Ты меня спас. Эта тварь...

— Что это было, ты знаешь?

Рим попытался сформулировать ответ, но не смог.

— Не знаю. Днём она выглядела женщиной. Почти нормальной.

— Но всё же, что-то с ней было не так, если ты догадался её не пускать.

— Не догадался. Я случайно не дал ей зайти. Я... честно говоря, я не верил, что такие твари могут существовать.

— Я тоже когда-то не верил, по крайней мере, думал, что в Мейнде их нет.

— Кадм... А вы знаете, что это было?

— Нет. Возможно, Майка знала бы... Это моя сестра. Она... видела разное, как служительница Тиары. Но она сейчас в... Альдари.

— Там много таких... вещей?

— В Альдари — нет.

Тёмный силуэт Кадма прошел к двери.

— Кадм, ещё одно слово.

— Да.

— Извините, что думал о вас плохо.

Рыцарь замер, потом кивнул.

— И ты извини, что я о тебе плохо думал. У нас в Альдари такими вещами занимаются жрецы. Может быть, тебе тоже сходить в храм?

Рим ничего не ответил, и рыцарь лёг спать. А Римуш... Римуш от этой тишины и бессилия расплакался. Всё, что он пережил за последние дни, вырвалось из него, и он уткнулся в подушку. Сколько он плакал, Рим не знал. Но, уснув, сновидений больше не видел.

Утром Рим дошел вместе с орденцем до трамвая и приехал в школу на три часа раньше первого экзамена.

— Ночь была тяжелой, — объявил Дагур, рассмотрев коллегу. Электрик был дежурным по школе и как раз пил крепкий чай, чтобы проснуться.

— Это ещё мягко сказано, — Рим собрался с духом и вывалил ему всё, что случилось ночью. Он сам едва верил в то, что пережил, но у него был свидетель, и Кадм Анзум не производил впечатления человека, способного сойти с ума вместе с соседом через стенку. А значит, Рим не сошел с ума и не пересказывает свои галлюцинации.

Дагур выслушал его без улыбки.

— Хреново. Я думал, что раньше такое только в Норнале случается. А в Мейнде тихо. Значит, за тобой охотится их учительница или жрица... жрица-жруница, хех, забавно.

— Не вижу ничего смешного!

Дагур успокаивающе положил ему ладонь на плечи.

— Извини, я сам немного напуган происходящем. Значит, эта дамочка — зловещая глава культа людоедов, и она считает, что на неё кто-то охотится? А ты ей что сделал? Или она думает, что ты похитил того паренька Ингу?

— Если бы я знал, Даг. Я так устал уже от этой истории. Что мне делать? Я трус, Даг, не спорю, но я уверен, что она не человек, а тварь Амана. Она может войти в мой дом и явится снова. Можно как-то отозвать приглашение?

— Понятия не имею, — честно ответил электрик. — Но я знаю человека, который наверняка знает.

— Секель?

— А? Нет. Ну то есть он наверняка знает, но я не о нём. К нему мы просто зайдём. Я с маме. Ты же с ней не знаком?

— Нет, не знаком. Ты и о сестре-то рассказал только в конце лета.

Дагур смущённо засмеялся. Он действительно, не смотря на всю свою болтливость, о семье особо не распространялся.

— Да, как-то так вышло. Но мы отвлеклись. Я маму позову, поговоришь с ней. Она историк и вообще большая умница. И не смотри так. Ей надо попасть к Секелю и снова начать с ним общаться. Они после восстания умудрились поссориться, а у него есть кое-какие хм... книги, которые нужны маме для работы. Она... в общем, она тебе поможет. Она и про культ Хериша должна знать, и всё такое. Я её позову в библиотеку Секеля.

— А разве так можно? Секель её не прогонит? — спросил Рим, но Дагур его не слушал.

— Мама вообще молодец, — триндел он, посасывая чай и жуя бутерброд. — Она в Норнале и во Льдах жила, так что наверняка знает, чем тебе помочь. В Норнале знаешь что по ночам происходит, когда появляется тень от Мейнда? Местные вообще за порог не высовываются, а то потом даже тела не найдут.

Римуш посмотрел на свои руки, потом украдкой — в стеклянную дверцу шкафа. Хотя утром он тщательно умылся, побрился и припудрил тени под глазами, вид у него был неважный. И без того узкое лицо стало совершенно лошадиным и непропорциональным. Если так дальше пойдёт, невесело подумал Рим, от него ничего не останется, даже жил, и

каннибалам не хватит его тощего тела даже на бульон или студень. Нужно было что-то предпринять. Утром он испытал соблазн сказать больным и спрятаться у сестры, но не мог с ней так поступить. Это его проблемы, и он должен справиться с ними сам.

К Секелю он приехал заранее и один, торопясь успеть до того, как Извечный Огонь начнёт угасать. Всегда привычный шумный, но скучный Мейнд теперь казался зловещим. Рим стоял в деревянном вагоне и смотрел на людей вокруг. Никто из них не подозревал, что в городе есть мрачные тайны, чудовища, и всем было плевать, у всех были свои дела и свои шкурные проблемы. Никто даже подумать не мог, что Рима ночью чуть было не сожрала мерзкая тварь Амана.

Когда трамвай приехал на улицу королевы Мейлар, уже стемнело. Римуш, обмирая и оглядываясь по сторонам, пробежал от остановки до дверей библиотеки и взлетел по лестнице. Три секунды, что открывалась дверь с придерживающей пружиной, показались ему вечностью.

— Незачем ломать дверь, — пробурчал от своей конторки Секель, когда он ввалился внутрь. — Или за вами погоня?

— Не знаю, — честно признался Рим. — Можно я подожду у вас Римуша?

Библиотекарь поджал губы.

— Да, он уже предупредил меня, что тут будет очередной спектакль.

— Ммм... Вы в ссоре с его матерью?

— Это он так вам сказал?

— Ну, да...

— Что ж, считайте так дальше.

— Эм, простите, я не хотел...

— Вашему приятелю было бы неплохо перед вами извиниться за то, что он втягивает вас в свои дела. Я не хочу вас пугать, Римуш, но не связывались бы вы с этой семьёй больше необходимого.

— Неужели они опаснее культа людоедов, возглавляемых тварью, которая попыталась откусить мне голову? — у Рима не было никаких сил думать и подозревать Дагура, с которым он проработал вместе пять лет, в нехороших намерениях. Мир и так сошел с ума, а у него не было ни малейшей возможности справиться с поднявшейся бурей самому.

Следующие четверть часа Рим рассказывал о случившемся библиотекарю. Потом с уроков вернулась Меда, и волшебник решительно отправил Римуша в угол одной из комнат библиотеки ждать Дагура и его мать.

— Я всё ещё советую вам с ней не связываться, — пробурчал волшебник. — Впрочем, учитывая ваши экстраординарные обстоятельства, вам деваться некуда.

— Обнадёживает!

— Если вы боитесь, в чём нет ничего особенного, то для вас есть выход: уезжайте из Мейнда.

— И бросить всю свою жизнь, — горько улыбнулся Рим.

— Это уже вам решать, что вам дороже.

— Может быть, донести королеве?

Секель скупно улыбнулся.

— Вряд ли у вас получится пробраться к ней.

— Знаю, — Римуш думал об этом весь день, и понял, что помощи ждать неоткуда. Ни охранение, ни жрецы богов его не примут, разве что поднимут на смех. Тварь Амана в

Мейнде! Как будто в каком-то Норнале. Римуш почти решился отправиться к князю дан Ракешу, но, представив себя на месте старого князя, понял, что убьёт любого свидетеля падения своего ребёнка. Выхода не было.

— Возможно, получится через сестру Дагура. Если попросить её...

— Разумеется. Все прислушиваются к мнению дворцовой обслуги. Не глумите, Римуш. Успокойтесь для начала.

Рим решил последовать этому совету. Он достал себе книжку с жизнеописанием королевы Меб, чтобы отвлечься чтением. Через четверть часа Меда принесла ему чая и объяснила, где можно взять кипятка, если она уйдёт куда-нибудь.

— Папа ещё просил передать, что если вам понадобится проверенный экипаж, он вам его вызовет, — добавила она. — И чтобы вы не переживали. В Мейнде случается и не такое.

— А ты-то откуда знаешь?

Девочка беззаботно пожала плечами.

— Мейнд старый город, а у всех старых городов есть секреты, проблемы и неприятные эпизоды в истории. Вы читали о происхождении легенды о Крысолове?

— Увы, я инженер и таким не интересуюсь. Знаю, что она украли детей.

— А я читала! Говорят, что на самом деле легенда возникла, когда во время Чумы из города выгнали якобы её виновников. Тогда разрушили первый университет Серого холма.

— Да, слышал что-то такое, — признал Римуш.

— Вот! — обрадовалась девочка. — И храмы бога Ау, Хериша, Норна, Тена. Говорят, что при храме Ау была школа мыслеплётов, и что они сумели сбежать перед погромами, породив легенду об ушедших детях.

— Это я тоже слышал.

— Вот видите. О чем же я? А! О том, что хотя все знают, что в городе были настоящие каменные храмы Ау, Хериша и Норна, учёные их так и не нашли. Город перестраивали, конечно, но согласно старым планам нашли много строений. А храмы Хериша и Ау пропали без следа, — возбуждённо тараторила девочка, глотая половину слов, — Ещё говорят, что храм Норна — это старая ратуша, ну, где надпись о том, что Крысолов похитил детей!

— Интересная история. Я слышал что-то в этом духе. Что одна жрица Хериша сбежала и теперь ест людей, чтобы накопить силы и вытащить храм обратно, — Рим устало посмотрел на девочку. Очевидно, как и он сам в этом возрасте, она была без ума от загадок и дутых тайн.

— Вот! Говорят, что эти храмы провалились в Обратный Мейнд, а он своих жертв не отпускает. Вот они там и стоят.

Рим, не смотря на всё случившееся, не сумел сдержать улыбку.

— В Обратном Мейнде?

— Ну да. Вас же туда увез Чёрный извозчик, — девочка серьёзно смотрела в ответ. — Папа сказал, что вы ему об этом рассказали.

— Да уж, похоже меня и правда похитил Чёрный Извозчик, — Несмотря на всё случившееся, он не смог сдержать смешок. Слишком уж глупый и серьёзный вид был у девочки. Какой же она ещё ребёнок! А он-то, дурак, подозревал, что это она за ним охотится.

— Ну назовите его как-нибудь по-другому, — надулась Меда. — Сами же его видели, и не как все эти брехуны, а по-настоящему, иначе бы папа вам не поверил.

— Он умный человек, твой отец. Правда, зря тебе всё рассказал.

— Ну не знаю, — Меда забрала на поднос чайник. — Мейнд необычный город и очень

опасный. Но если бы тут нельзя было как-то выжить и справиться со всем, то он бы уже давно вымер, верно?

— Возможно, — Рим против воли снова улыбнулся.

— Знаете, я сейчас принесу вам пару моих книг. Там про Обратный Мейнд, про Извозчика и всё на свете. Они только наверху, папа мне не разрешает их тут хранить.

— Неси, — согласился Рим, с трудом сдерживая улыбку.

Книги Меды были напечатаны на неважной бумаге плохими чернилами, но не это было основной причиной, почему господин Секель не разрешал дочери вносить их в свою библиотеку.

“Обратный Менд существует с самого основания первого поселения около камня, ныне известного, как Скала. Это не точка на карте земли и не город в физическом понимании. Обратный Мейнд — это воплощение человеческих страстей и грехов, порождение отрицательной энергии человечества. Он находится там же, где и настоящий город, но в другой реальности. Видевшие Обратный Мейнд утверждают, что это пустой и мрачный город, где стоят разрушенные и сторевшие дома, а меж руин бродят тени тех, чьи души почернели настолько, что более не в силах вырваться к свету Извечного Огня и покинуть проклятые улицы”...

Автор книги если и не был постоянным автором известного сборника глупостей и выдуманных историй под названием “Королевские тайны”, то определённо ими вдохновлялся. Или они им, Римуш не был уверен.

Но чтиво его развеселило. Фантазия у неизвестного автора была хорошей.

“Попасть в Обратный Мейнд можно разными путями. В основном люди попадают туда, попав в пространственный разлом и возвращаются тем же путём. Все сумевшие вернуться рассказывают об одном и том же: они попали в зловещий город среди белого дня, не совершая ничего дурного и предосудительного.

Но это не единственный способ попасть в мёртвый город. Зло притягивает зло, и жители Обратного Мейнда выходят на охоту за новыми жильцами. Чаще всего они принимают вид обычного экипажа, который поджидает своих жертв у притонов, в неблагополучных районах или появляется перед ними из ниоткуда, после того, как они совершили злодеяния, привлёкшие внимание Той Стороны. Те, кого забрал Перевозчик, более не возвращаются, потому что Обратный Мейнд не отпускает свою добычу”.

“Природа Чёрного Извозчика окутана тайнами. Возможно, это слуга Амана собирающий грешников. Но есть люди, которые считают, что он послан самим Амаздой, чтобы оберегать человечество от худших слуг Амана”.

Да уж, невесёлая перспектива, подумал Рим. Он по-любому грешник, если привлёк внимание этого сказочного персонажа.

Дагур и его мать пришли ровно в семь часов. Даг с шумом ввалился и придержал дверь для высокой женщины в красном пальто.

— Добрый день, — голос у неё был приятным и глубоким, а мягкие движения и горделиво поднятая спина дала бы фору самой королеве. Дагур рядом с женщиной выглядел неказистым студентом-переростком. Он принял у матери пальто и зонтик, потом передал ей гребешок. Та, не глядя в зеркало, двумя плавными движениями поправила сбившиеся длинные волосы. Судя по тому, как легко и ровно они легли, тут не обошлось без волшебства. Восторг Рима немного поутих. Он с настороженностью относился к искусственной красоте.

— Опять? — недружелюбно спросил Секель, когда эти двое прошли к его стойке. Меда и её подруга похватали тетради и убежали в дальнюю комнату.

— Доброго дня, — женщина проигнорировала недружелюбный тон библиотекаря. — Мой сын сказал, что одному его коллеге нужна помощь по некоторым магическим вопросам.

Секель чуть нагнулся, глядя на забившегося в угол Рима.

— Ну да. Его в Обратный Мейнд пытаются похитить, — буркнул библиотекарь. Длинноволосая женщина улыбнулась. Она была одета в чёрные узкие штаны и невероятно короткое то ли платье, то ли тунику в рубчик. Из-под платья поднимался мягкий воротник тёмной трикотажной кофты. Женщина, не считая лица с пронзительными тёмными глазами, выглядела как совершенно чёрная фарфоровая фигурка.

— И всё же, я бы хотела с ним поговорить.

— Говори.

Женщина тихо поблагодарила волшебника и направилась к Риму. Дагур метался вокруг неё, принёс кресло с деревянными подлокотниками и чашку с заварочным чайником. Волшебница не оглядывалась и ничего ему не говорила, словно такое поведение сына было для неё само собой разумеющимся. Да и сына ли? Римуш не видел между ней и Дагом особого сходства.

— Доброго вечера, — улыбнулась женщина, пожимая Риму руку. — Меня зовут Флатиста, если мой сын меня ещё не представлял.

— Нет, не успел, — встрял Дагур, наливая матери чай.

Она посмотрела на него и на эленийском велела ему успокоиться и наконец-то сесть. Щёки Дагура покраснели и он присел на табуретку рядом.

— Мне очень неудобно обращаться за помощью... — начал было Рим, но женщина улыбкой и мягким жестом остановила его.

— Подождите, мы не все собрались.

— А кто...

Секель, забрав свою чашку и какую-то тетрадь со шкафа каталога, подошел к ним, подтащил к столику стул и сел. Звуки библиотеки и смех девочек внезапно стали доноситься словно через слой воды.

Римуш поёжился.

— Господин Секель, рад, что вы присоединились, — улыбнулась Флатиста. Волшебник хмуро посмотрел на неё и поджал губы. Потом посмотрел на книги перед Римом и закатил глаза.

Флатиста улыбнулась.

— Дети любят таинственные истории. Глупо их в этом обвинять.

— Эти истории сочиняют ленивые студенты за три грифона в месяц.

Волшебница пролистала книгу Меды.

— Когда эта чудесная девочка вырастет, она научится отличать научное знание от правды... Мой сын рассказал, что вы столкнулись с Обратным Мейндом и его обитателями, мастер Римуш.

— Да, вроде того. Вам рассказать ещё раз или Даг уже?..

— Уже всё пересказал, со всеми подробностями! У меня память пиктограф... молчу, — вскинулся Дагур, но под взглядом двух волшебников немедленно скис.

— Да, Дагур мне всё пересказал, и поэтому я вас первым делом успокою, что ваш дом в полной безопасности.

— Но почему? Эта тварь зашла в подъезд!

— Ей разрешили туда зайти, и к сожалению, вы не сумеете отозвать это разрешение, да и это не имеет смысла. Она получит его вновь.

— Но... вы же сказали, что мой дом в безопасности, — растерялся Римуш. — Что это тогда получается?

— Ваша квартира, Римуш. Это одна из проблем и одновременно благо современных домов. Вы не воспринимаете подъезд, как свой дом, поэтому ваша квартира защищена хм... так сказать, вторым контуром. Второй ряд проволоки под напряжением, если вам, как инженеру, будет понятней. Ваша... гостя пыталась выманить вас наружу, потому что не могла войти.

— Верно, — был вынужден согласиться Римуш. — То есть, если я не буду её пускать, она не сможет войти?

— Именно.

— И я... могу вернуться домой?

— Да.

— Глупый совет, — возразил Секель. — Эта тварь зайти не сможет, но у неё есть подручные. Если ей надо будет до вас добраться, то она просто приведёт тех, кто ещё не перешел грань.

— Какую грань? — испугался Рим. Новые загадки, мистика, и всё без чётких терминов и измерений. Он чувствовал себя наполовину напуганным насмерть, и наполовину доверчивым идиотом, который сидит и слушает глупые сказки.

— Грань человечности, — пояснила Флатиста. — Эта женщина утратила этот дар на своём пути поклонения Херишу. Людские законы и вольности ей теперь недоступны, зато наложено множество ограничений.

— Но... Как так могло получиться?

— Такое случается с людьми, которые много грешат, Римуш. Все мы подчиняемся Аше, великим законам мироздания, хотим мы того или нет. Это сама основа нашего бытия. Даже самые дикие племена, которых свет Амазды не коснулся, соблюдают определенные моральные норм. Те, что переходят грань — они отказались от всех проявлений человечности и морали, кроме своих эгоистичных желаний и страстей.

— А вы много про это знаете. Вы точно историк?

Флатиста тихо засмеялась.

— Да, знаю, ныне не принято, чтобы человек науки всерьёз рассуждал о таких вещах. Но всё же, мы все живём в мире, пронизанном великими законами. Если вас немного утешит, я ещё и жрица.

— Анахиты? — брякнул Рим.

Флатиста улыбнулась.

— Великого Мудрого. Я изучала священные тексты, а после много путешествовала и была вынуждена видеть земли, где сам воздух дик и живёт по другим законам, а зло всё ещё хранит более древние формы. В Мейнде оно... измельчало, пусть его и стало больше. Зло современного человека мелкое, обыденное, — Флатиста нахмурилась, и на высоком лбу появилась складка. На мгновение безмятежная маска волшебницы треснула, и Римуш увидел немолодую женщину, чем-то очень озабоченную. — Все мы знаем, что Норнал, второй по богатству и важности город нашего королевства, место опасное и полное ночных ужасов. Но кто поверит, что сияющий Мейнд не менее страшен?

— Ты говоришь не о том, — оборвал её Секель.

— Ах да. Я, Римуш Карафа, историк и жрица Великого Мудрого. Или Великой Матери. Или Амазды. Или Мату-Ине, называй, как хочешь, он един. Мне не первый десяток лет, и я видела всякое. Дагур подтвердит.

— У меня было весёлое детство, — скорбно подтвердил тот.

— Твоя сестра вспоминает его не с такой постной физиономией.

— Не ей приходилось отгонять упырей с порога метлой, — возразил Даг.

— Ты всё-таки старший, мой мальчик. Кого я ещё могла просить о помощи?

Дагур закатил глаза, молча показывая своё мнение об этом факте.

— Если Мейнд такой тихий город, то чего эта тварь сюда припёрлась? Сидела бы в Норнале, — простонал Рим. Его не интересовали милые семейные воспоминания коллеги, и даже не было желания выяснять, что они называют упрямыми.

— В Норнале почти достроили стены, — напомнил Дагур. — Помнишь, мы не так давно это обсуждали?

— Помню. И что это значит?

— И многие твари перебрались в Мейнд. Ведь в Мейнде её нет.

— Простите, Флатиста, я не хочу вас обидеть, но... вы точно историк? В Сером Холме можно потерять место, если начнёшь рассказывать на лекциях вот то, что вы мне рассказываете.

— Увы, я просто историк, Римуш. Самый настоящий. Даже у нашего многоуважаемого хозяина есть мои научные работы о культах богов в Мейнде, так как я почти двадцать лет проработала в Высокой Школе Норнала, — мягко улыбнулась Флатиста. Секель медленно кивнул, подтверждая её слова. — Но я не сидела на одном месте и изучала мир. Поэтому много знаю. Я не буду рассказывать вам подробности, они сухи и неинтересны, но культ Хериша в Мейнде существовал с самого его основания. Это не секрет ни для одного историка. Правда и в том, что со временем этот культ выродился в мрачную секту, в которой не осталось ничего светлого. Некоторые склоняются ко мнению, что упадок культа не проста совпала с приходом Чумы. Хериш был богом здоровой плоти и красоты, и когда поклонение его истинной форме извратилось, в Мейнд пришли и последствия.

— Но Чуму победили.

— Да, уже больше века назад. Дудочница с серебрянной флейтой, — мягко улыбнулась Флатиста.

— И что значит эта легенда? — Рим окончательно запутался и перестал понимать, что до него хотят донести. Его знакомство с историей как наукой ограничивалось школьным курсом и побасенками из Королевских Тайн.

— Она значит, что надо расплачиваться по долгам, — рассмеялась Флатиста. — Если бы князь города не пожадничал, то дети остались бы в своих семьях.

— А я слышал легенду, что на самом деле похищенные дети — это сбежавшие послушники Ау, мыслеплёты и другие колдуны. Причём тут тогда золото?

— Возможно, князь пожадничал и захотел себе золото, хранящееся в храме. Говорят, на слитках, что лежат в ратуше и ждут прихода Крысолова, можно разглядеть знак бога Ау, и они ждут возвращения своих хранителей и своего храма.

— Это увлекательно. Но что делать мне? Зачем я Обратному Мейнду? Неужели я такой грешник?

— Вы сказали, что видели, как Извозчик увозит того мальчика Ингу, вашего студента. И

что сели в его экипаж, когда он преследовал пожирательницу. Я полагаю, что вы ему не нужны, Римуш. Вы просто оказались рядом. Обратный Мейнд место зловещее, но как все места такой природы, он подчиняется правилам и законам, и не может захватить случайного и безвинного человека.

— Но...

— Я бы посоветовала вам ближайшие дни проявить благоразумие и сказаться больным, пока Извозчик, или, лучше сказать, Перевозчик, не завершит свою работу. Вам лично ничего не угрожает. Верно я рассудила, господин Секель?

Библиотекарь, отсеvший в тень, пожал плечами.

— Мне в это не верится. К тому же... вы сказали, что Обратный Мейнд не упускает своих жертв. Я там был. Значит, за мной ещё вернутся.

Флатиста улыбнулась и ободряюще пожала ему руку.

— Нет, Римуш, вы неправы. Вы не были в самом Обратном Мейнде. Он находится вне царства Амазды, а в такие места живому человеку случайно не попасть. Есть определённые правила, Римуш. Как перешедшие грань не могут попасть к живым, так и живые не могут попасть к ним. Спрашивал ли вас Перевозчик, хотите ли вы двигаться вперёд? Проехать в ворота, пересечь мост или что-то подобное?

— Я... — Рим нахмурился. — Не помню. Вроде нет. Всё вышло очень сумбурно... По-моему, он просто был недоволен, что везёт меня.

Волшебница тепло улыбнулась.

— Вот видите, значит, вам ничего не угрожает.

Сердце Римуша замерло и пустилось в пляс. Ещё день назад он бы счёл слова Флатисты сказками и глупостью. А теперь видел в них логику, стройность рассуждения и надежду для себя.

Он улыбнулся, взгляд скользнул по улыбающемуся лицу волшебницы, по хихикающим за конторкой девочкам, и мир рухнул.

В библиотеку господина Секеля на улице королевы Мэйлар вошла королевская ведьма.

Мыслеплёт пришла ровно в четверть девятого ночи. Меда поднялась ей навстречу, но ведьма резким жестом велела ей сидеть. Девочка сжалась и оглянулась на отца. Следом за мыслеплётом вошли двое королевских гвардейцев в испещрённых знаками защиты кирасах и белых плащах. На их лицах была написана такая скорбь, что почему-то Риму подумалось, что они знают, кого сопровождают.

— У вас гости, — тихо сказала Флатиста, чуть повернув голову. Дагур кашлянул и встал за спину матери.

— Вижу, — буркнул Секель. Ведьма оглянулась, увидела Рима и решительно подошла к ним. Не доходя два шага, она словно наткнулась на стену и недоумённо нахмурилась. Рим почувствовал, как его сердце пустилось в пляс. Секель лениво подался вперёд и сложил руки на коленях. Мыслеплёт посмотрела на него, и по губам волшебника скользнула лёгкая усмешка. Ведьма резко вскинула руку. У Рима волосы на затылке встали дыбом, а на рукаве рубашки защёлкала статика. Он почти физически увидел, как вокруг них появился мутный пузырь, прогибающийся под рукой ведьмы. Видение длилось всего секунду. Мыслеплёт одёрнула руку, и Секель жестом развеял пузырь. На уши Рима обрушились звуки библиотеки, тихий разговор где-то внутри комнат, беспокойные голоса девочек и звон проезжающего за окном трамвая.

— Доброго вам вечера, — Секель снова ядовито улыбнулся. — Рад вас видеть вновь.

Что вам надо от меня на этот раз?

— Вы мне не нужны, — ведьма уставилась на Рима, и он снова почувствовал затылком ужасающее присутствие мыслеплёта. — Римуш Карифа, вы идёте со мной. Именем королевы.

— Прошу прощения, дорогая, но с каких пор у вас есть право приказывать людям? — интонации голоса Секеля были любезными и колючими, как тысячи шипов. — Горожане не обрадуются, если мыслеплёт от имени королевы начнёт похищать людей. Сама королева тоже будет не в восторге от такого удара своей репутации.

“Ты либо идёшь со мной, либо остаёшься подыхать тут. Пятеро твоих приятелей-людоедов уже попали и, скорее всего, подошли. Хочешь стать следующим?” прозвучал ледяной голос в голове Рима. Он вздрогнул и чуть не свалился на пол.

— У меня чрезвычайные полномочия от королевы, так что она в курсе, — объявила ведьма. — Римуш, идёмте.

— Может быть, у вас есть бумага, подтверждающая ваши полномочия?

Ведьма криво улыбнулась, явно пытаясь скопировать библиотекаря и достала из-за отворота пальто бумагу. Секель поправил очки и прочитал её.

— Хм... Действительно.

Флатиста наклонилась к обмершему от страха Римушу.

— Не бойтесь, они всё равно не смогут вам ничего сделать.

— У неё полномочия лично от королевы, — возразил Секель. — Вам придётся отправиться с этой дамой, Римуш.

— Но... — надежда на спасение, которая всего несколько минут, как у него появилась, рухнула. Рим снова ощутил безумный животный страх за свою жизнь. — Я ни в чём не виноват!

Он попытался ответить мыслеплёту, открыть свои чувства, сформулировать образ, хоть что-нибудь, чтобы она поняла, что не права. Он мысленно орал, глядя на неё. Она не могла не знать, что он не виновен. Она видела его мысли! Точнее, её ученик или кем был тот толстяк, но он видел! И рассказал ей! Почему она ему не верит?

“Прекрати орать! Разберёмся. Но твой приятель-княжич мёртв, и куча его друзей тоже, а ты видел последнего. Королева желает разобраться, что за хрень происходит в её городе”.

— Так что поднимайся. Не стоит расстраивать королеву.

На несколько гнетущий мгновений повисла тишина. Секель и Флатиста переглядывались, а Дагур неожиданно сжался за спиной матери.

— Римуш, идите, — тихо сказал Секель.

— Но... — Рим обречённо понял, что защищать от королевской ведьмы его никто не будет. Флатиста протянула ему лист бумаги с полномочиями, но он отмахнулся. Медленно встал.

— Хорошо, пойдёмте, пока я снова не испугался, — нервно кивнул он и пошел к вешалке за пальто.

Его вывели по узкой лестнице. Один королевский гвардеец шел впереди, второй сзади. Ведьма — позади всех. Но Римуш чувствовал её присутствие всем своим нутром. И пытался поговорить.

“Мне страшно, не надо, пожалуйста. Я сам узнал обо всём случайно. Князь дан Ракеш меня убьёт!”

— Да иди уже, — проворчала ведьма. “Дан Ракеш идёт в задницу, бесполезный кусок

говна. Расследование теперь ведётся от имени королевы”.

Внизу лестницы их ждал толстяк.

— Где экипаж? Едем в Старый Двор, там допросим и закрём, — велела ведьма. Рима взяли под руки и потащили к черному самоходному экипажу у края тротуара. В свете минофонарей он выглядел настолько зловеще, что Рим чуть не умер от страха. Сердце бешено заколотилось в груди. Он вспомнил зловещего извозчика, пригляделся к силуэту водителя за затемнёнными стёклами и упёрся обеими ногами в мостовую.

— Умоляю, не надо!

Его сопротивление сломали за долю секунды и подтащили к экипажу. Толстяк открыл дверцу. Римуш вырвал руку и упёрся в крышу экипажа. Водитель медленно повернулся, и в свете фонарей увидел блеснувшую металлическую шапку с серым пером.

Перевозчик сидел, чуть повернувшись к происходящему, и улыбался.

Рим в ужасе уставился в ответ.

Перевозчик протянул неестественно длинную руку с тремя пальцами и взял его за шею. Кожу обожгло льдом. Налице перевозчика появилась устрашающая усмешка, а желтые глаза полыхнули мёртвым огнём.

Рим заорал и рванулся из чужих рук. Ужас придал ему сил. Он вывернулся из удерживающих его рук, оттолкнул одного из солдат и побежал. В голове взорвалась ледяная бомба, пронзив разум сотнями ледяных искр, но тело уже не подчинялось голове, и он побежал.

Страх — мерзкая штука. Он лишает воли, разума, оставляя человека в состоянии древней дикости. Римуш ненавидел страх. У него, как труса, были свои претензии к этому мерзкому чувству. У Рима не было ни врождённой смелости, ни предков-героев. Никто не растил из него героя. Его отец был простым счетоводом, а мать преподавала геофизику. Почему он у них родился, Римуш не знал. Все говорили, что дети — это дар Амазды тем, кто их хочет, кто счастлив и достиг душевного равновесия и просветления. Слушая скандалы родителей, Римуш думал, что он, наверное, очень глуп и что-то не понимает.

Отцу всю жизнь было наплевать, сколько у него детей. Он был не очень удачливым бухгалтером, и полностью сосредоточился на своём недовольстве этим фактом. Мать же, наоборот. Ей всегда до всего было дело, будь это её новая монография, маленькая получка мужа или недостаточно дружелюбный взгляд сына. В чём-то Римушу повезло, если подумать. Сестрёнка была маминой надеждой на достойную наследницу, в отличие от тупого сына, и иного будущего, кроме геофизики, для неё не было. Римуш хоть смог выбрать, куда поступить.

Политехническая школа? Отличный выбор! Хорошее образование, престиж, загадочность самых новейших мино-технологий и электричества, огромные машины, общежитие каждому студенту.

Всю смелость, что Амазда дал ему перед рождением, Рим потратил в тот день, когда подошел к матери и сообщил о переезде.

У Римуша Карафа не было шансов вырасти героем.

Поэтому он, задыхаясь от страха, бежал.

Хотя Мейнд, как известно, не спит даже в самую глухую ночь, прохожих почти не было. Римуш мчался по мостовой, никого не встречая на своём пути. Свернул в проулок. До конца. Потом в ещё один. Потом через канал. Мейнд полон каналов, глубоких и быстрых, как реки, и мелких, на чьём гранитном дне едва струится вода, размывая мусор. Рим перебежал по низкому мостику со ржавыми от вечных туманов перилами. Перепрыгнул через канаву.

Ему было плевать, куда бежать, только бы подальше.

Римуш не был героем.

И атлетом тоже.

Стоило страху немного отступить, и он упал без сил на камни мостовой.

Рим лежал так бесконечно долго, не в силах даже кричать от боли. Тело горело огнём и не желало слушаться, а сердце бешено колотилось. Он ждал грубые руки, которые вздёрнут его на ноги и поведут на казнь. Он дурак, и никогда не сумеет доказать, что ничего не знал о культе. Его заклеймят, имя предадут вечному проклятию, и под улюлюканье толпы кинут, связанного, в Большой канал.

Так не проще ли ему опередить их? Спасти своё имя и имя семьи?

Или стоит подождать, пока его найдет пожирательница? Она обглодает его кости и выкинет их в канал. Будет ли его душа навеки проклята? Он почти чувствовал, как тонкие пальцы с длинными звериными когтями обхватывают его щиколотки, а острые зубы впиваются в плоть и рвут его на части.

Рим заплакал от жалости к себе. За что ему всё это? Почему он не мог дальше жить

своей тихой, совершенно неинтересной жизнью?

Лишь почувствовав холодную воду, пропитавшую левый рукав и штаны на коленях, он сумел открыть глаза. Он лежал на булыжной мостовой, в тени широкого платана, подсвеченного желтым электрическим фонарём.

Рядом никого не было.

Рим вытер потёкший нос и с трудом поднялся на ноги.

Римуш стоял на берегу Большого Канала. Слева от него была водная гладь в гранитных берегах, а справа — платановая аллея перед лучшими домами города. С того берега лёгкий ветер донёс звуки музыки. Там в свете разноцветной гирлянды были танцы в публичном саду.

Рим прислонился к парапету и отдышался. Сердце всё ещё бешено колотилось, ноги болели, а ладони саднили. Пальто сбилось и вместе с рубашкой и жилетом поднялось куда-то к подмышкам. Со стороны он выглядит как безумец или бродяга. Рим выдохнул и поправил одежду. Потом зажмурился.

Разум немедленно представил ему, что с ним будет после того, как он сбежал от людей королевы.

Королева Эллин слыла доброй королевой. В отличие от своих предшественников, она не питала страсти ни к публичным казням, ни к дани юными девственниками, как королева Мэйлар, ни к дворцам изо льда посреди лета, ни к колесницам, куда запрягались увечные враги короны и просто калеки. Королева Эллин вообще предпочитала не вмешиваться в дела тех, кто на земле, пребывая в своём парящем над городом дворце.

Но королева очень не любила заговоры и пренебрежение своей властью.

Римуш полагал, что особенно — после того, как её тётушка и племянница попытались свергнуть её меньше недели назад.

Ему конец.

Он не выдержал и снова заплакал.

Ему конец. Вся жизнь, вымученная, сначала в семье, потом во взрослой жизни.

Он всхлипнул. Вот и бесславный конец. Он внезапно ощутил грусть от того, что всё так заканчивается. Что он сможет показать Амазде? Свои добрые намерения? Не они открывают путь к Извечному Огню, а благие дела и чистые мысли. Рим сможет предъявить разве что любовь к племянникам, вся остальная его жизнь омрачена завистью и трусостью. Он представил себе суд Амазды, как о нём говорилось в Сказаниях, и рассмеялся. Если содрать с него его напускную браваду, то останется жалкая и мелкая душёнка. Он грустно рассмеялся. Собственные страхи за жизнь, за благополучие, за сытые вечера наедине с радио показали такой мелочью. Он смехотворен и ничтожен.

Римуш бесконечно долго смотрел на танцы вдалеке и думал о том, насколько же он бесполезен для мироздания. С канала дул ледяной ветер, и он замёрз. Он потрогал промокший рукав и побрёл прочь.

В ночной чайной Рим купил себе немного горячей чавы и тост. Продавец посмотрел на него с подозрением, но деньги взял.

Трамваи остановились. Рим свернул от Большого Канала к старой ратуше и подъёму к королевскому Дворцу. Скала вернулась на место, и с земли к ней тянули подъёмный механизм. В ночном небе вырисовывался освещённый десятком прожекторов устремлённый в небо палец и ползающие по нему рабочие со сварочными аппаратами. Долгой жизни королеве, горько подумал Римуш, и допил чаву.

Перевозчик увязался за ним сразу после поворота на улицу за рагушей. Рим услышал тихий шелест каучуковых шин и оглянулся. На ещё полминуты назад пустой улице появился чёрный экипаж городского извоза.

Римуш остановился.

Экипаж подъехал и медленно встал рядом. Рим подошел к нему. Перевозчик выглядел обычным человеком. Простой мужчина-мейндец, почти старик, с сухим лицом и плоскими губами. Римуш разглядывал его с каким-то апатичным любопытством. На страх у него не осталось никаких сил и желания. Конец близок, и нет смысла спасаться. Теперь осталось лишь что скажет сам Великий Мудрый. Рим ничего не мог изменить.

— Тебе не сюда, баха, — проскрипел Перевозчик.

— Тогда какого хрена ты постоянно мне попадаешься?

Блеснул желтый глаз.

— Кто знает, баха.

— Тогда не ездь за мной.

— За тобой идёт тень, баха. И эта тень должна вернуться туда, где её место.

— Пожирательница? Что это за хрень? Она что, из храма Хериша? Той срани, что провалилась к тебе в город?

— Кто знает, баха.

Перевозчик отвернулся. Стекло медленно поднялось.

Рим постоял, ожидая продолжения, потом плюнул, выругался и пошел дальше. Надоели. Чертовщина, чтоб её. И все норовят напугать его, как будто он забавная игрушка! Пусть катятся к чёрту. Он идёт домой.

Он свернул в проулок. Ещё один поворот, и можно будет перейти трамвайный мост через Большой Канал, пройти ещё два квартала и оказаться дома. Там он ляжет спать, отоспится, потом поест и посмотрит, что с ним будут делать.

Перевозчик медленно ехал следом за ним. Тень, чтоб его. Вот она, тень, которая носится за Римушом уже который день.

Оставалось только обнаружить его вторую тень. Рим знал, что она где-то рядом. Наверняка её тёмный бог указал ей, что он более не под защитой дома.

Пожирательница нашла его на мосту. Мимо Римуша проехал вагон ремонтного трамвая с полудюжиной усталых рабочих внутри. Мигнули фонари освещения. Когда вагон проехал, на другой стороне моста стояла невысокая женщина-девочка в старомодном пальто с капюшоном и ореолом ярко-рыжих кудряшек. Мост был небольшим, всего две полосы трамвая и узкие дорожки для пешеходов.

Пожирательница перешла пути. Она едва доставала макушкой до плеча Рима, и всё равно он почувствовал себя маленьким и жалким. Людоедка подняла лицо и улыбнулась до ушей, обнажив два ряда мелких острых зубов.

— Я не знаю, где Ингу. Отвалите все уже от меня, — устало попросил Римуш.

— И всё же, я думаю, знаешь. Ты видел его последним, мальчик. Скажи мне, кто его забрал, и я тебя отпущу.

— Да пожалуйста. Перевозчик.

— Кто?

— Тот, кто перевозит людей в Обратный Мейнд или куда там провалился храм Хериша.

Пожирательница прищурилась.

— Что ты сказал?

— Так ты поняла? Великий Мудрый! Эта хрень и правда происходит! Да, его забрал мужик, увозящий грешников в Обратный Мейнд. Вон он, — Рим обернулся, уверенный, что чёрный экипаж всё ещё рядом.

Он не ошибся. Машина перевозчика остановилась поперёк путей перед мостом. Римушу показалось, что не смотря на расстояние, он видит жёлтые глаза и трёхпалые птичьи лапы, обхватывавшие рулевое колесо.

Пожирательница перестала улыбаться. Рим не сразу понял, что случилось. Лицо пожирательницы пошло волнами, как оплывающий воск. Из рта вырвался рык. Она развернулась к Римушу, пригнулась и прыгнула, как лягушка.

Его подхватило, закрутило, плечо обожгло болью, и Рим оказался зажат подмышкой, как старый портфель, у четырёхногого чудовища. Конечности Пожирательницы удлинились, волосы стали облаком, одежда туманом. Она мчалась по набережной, перепрыгивая через каналы и трамваи. Римуша болтало, как тряпку. Перед лицом мелькали длинные белые лапы, как у зайца, каналы, фонари и редкие прохожие. Он поднял голову, и увидел четвёрку чёрных лошадей из дыма и синего огня. Из оскаленных пастей вырывался ледяной огонь, а за ними через город неслась карета. Перевозчик сидел на козлах. Чёрный клюв щёлкал, предвкушая добычу. Перевозчик мчался за своей добычей.

Мотнуло.

Тварь перепрыгнула через старую ратушу и часовую башню.

Перевозчик начал отставать. Римуш почувствовал радость своей мучительницы. Она прыгнула ещё раз, и разрыв увеличился.

“Она уйдёт”, с какой-то обречённостью подумал Римуш. “И убьёт меня”.

Мимо просвистело чёрное копьё, и они с чудовищем кубарем покатались по земле. Рим даже не почувствовал боли. Рядом застучали чёрные копыта. Перевозчик свесился с козел и, подхватив пожирательницу под брюхо, закинул её в экипаж вместе с Римом.

Они ехали по чёрном угороду без жизни. Мимо мелькали давно сгнившие дома с ослепшими окнами. Пожирательница сидела, крепко привязанная чёрными кандалами к дивану и с ненавистью смотрела на Рима. Тот сидел рядом с ней и боялся вздохнуть.

— Я разорву твою плоть, я выпущу твои потроха и проглочу твоё сердце, — пообещала Пожирательница. Её круглые жёлтые глаза не мигали. — Твоя душа уйдёт на ледяные поля и Отец Плоти будет вечностью глотать её, пока ты не иссякнешь, снова и снова!

— Тиара хранит меня! — Рим осенил себя солнечным знаменем и коснулся сердца. Пожирательница зарычала, из его лягушачьего рта до ушей потекли слюни. В ней не осталось ни следа юности. Перед Римом сидела тварь старше Мейнда с головой, как треснувшая тыква.

Перевозчик, вновь ставший самым обычным человеком в железной шапке, не обращал на них внимания. Римуш выглянул в окно. Из тумана выплывали брошенные дома разных эпох. Рим посмотрел через плечо Пожирательницы. Там был канал. Не такой широкий, как Большой, но тоже внушающий уважение. Возможно, это Старый Большой Канал, который засыпали, когда построили первую гидростанцию Мейнда. Это же город-призрак с мёртвыми домами. Почему тут не быть и каналу-призраку?

— Уважаемый, — Римуш решился обратиться к Перевозчику. Его голос прозвучал так жалко, что он почти устыдился себя.

Птицеголовый повернулся. Под железной шапкой блеснули желтые глаза.

— А мне обязательно туда ехать? В твой город, на тот берег, ну...

— Нет, баха.

— Тогда можешь отвезти меня обратно в Мейнд?

— После неё, баха.

— Ммм, хорошо. А можно мне выйти?

— Разумеется, баха.

Машина остановилась. Дверца открылась сама по себе.

— Я найду тебя, я выпью твои глаза, запомни это! — завизжала Пожирательница и забила. Цепи со звоном натянулись, полностью её обездвигив. Римуш, не обращая внимания, вышел. Пожирательница сорвалась на пронзительный вопль. Дверца захлопнулась, и все звуки стихли. Машина Перевозчика медленно поехала дальше. Через сотню метров из тумана вырос горбатый мост, и машина медленно перекатилась по нему на ту сторону.

Римуш подошел к парапету. Внизу была чёрная, как масло, вода. На мгновение ему показалось, что лёгкая рябь от течения складывается в лица людей. Он наклонил голову. И правда, лица.

— Рим!

Он поднял голову — сердце вздрогнуло.

На том берегу стоял Махуш.

Это был точно он, Махуш дан Ракеш, княжич, сын князя дан Ракеш, глупый, сумасбродный, живой.

— Мах! — он замахал руками. Парень, поняв, что его заметили, тоже запрыгал и замахал руками.

— Иди сюда, Рим!

Они побежали к мосту, каждый со своей стороны. Рим из последних сил начал подъём на крутой мост. К вершине он выдохся и чуть не упал от усталости. Махуш же напротив был свеж и весел. Он лучезарно улыбнулся:

— Я ждал тебя, Рим!

— Великие Боги, что ты тут делаешь? — Рим схватил друга за плечо. — Ты правда здесь оказался? Тебя?.. Ты, маленький лживый ублюдок, как ты вообще мог в это ввязаться?

— Во что? Здесь? — Махуш рассеянно оглянулся. — Брось, забудь обо всём этом, это в прошлом. Пошли, я должен тебе кое что показать.

— А что с Мерой? Куда пропала она? Она тоже часть вашего культа?

— Что? Мера ждёт. Пойдём, я тебя с ней познакомлю. Ты ведь хочешь пойти?

— Что? Да, я хочу с ней познакомиться, — Махуш был какой-то странный. Как в тот вечер, когда он принёс эленийские галлюциногенные таблетки и съел сразу половину блистера. Он так же улыбался и видел не спальню Рима, а лиловый лес с диковинными насекомыми.

— Нет, — досадливо поморщился княжич. — Ты хочешь пойти? Туда, — он указал на город за спиной. Рим поднял на него взгляд и увидел огонь.

Город был мёртв и смотрел на него. Вдали из земли поднималась многорукая, многоногая и многоголовая статуя Хериша. Римуш узнал её. Каменный бог поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Нет! — завопил Римуш и отшатнулся от Махуша. Тот остался стоять на месте. Только сейчас Рим заметил, что княжич светится, как если бы стоял не ночью на мосту, а ясным днём под пылающим Извечным огнём.

— Почему?

— Ты мёртв, Мах, — Рим сделал шаг назад. Махуш наклонил голову к боку.

— Нет.

— Да. Ты ушел. Ты... почему ты согласился?! — Рим попятился. Видение каменного бога пропало. Они стояли на мосту над рекой с чёрной водой и стонущими лицами на поверхности.

— Я буду всегда помнить тебя, Мах. Прости. И Меру тоже. Она была хорошей. Извини. Махуш медленно выпрямился.

— Ты уверен?

За спиной Рима раздался скрежет.

Он оглянулся и едва успел увернуться от ржавого меча огромного слепого рыцаря в белом плаще.

“Умри! Ненавижу!”

Рим увернулся ещё от одного удара и упал на мост.

“Ненавижу! Ненавижу всех!”

— Римуш, беги ко мне! — завопил Махуш.

“Ненавижу!” перекрыл его голос вопль ордена.

— Быстрее! Чего ты ждёшь?!

Чудовище замахнулась для нового удара. Рим понял, что это конец. Ему не выбраться. Ещё несколько секунд, и он предстанет перед лицом Амазды. Его душа будет взята, оценена, поступки и мысли разложены по чашам весов. И Амазда улыбнётся ему и заберёт себе или разочаруется и развеет его навеки.

Вот он, конец. Остались последние шаги на земле. Могут ли они что-нибудь изменить? Может ли он сделать что-то, чтобы можно было положить на белую чашу весов?

— Да пошли вы все! — завопил Римуш. — Катитесь к Аману! Я не боюсь вас! Отвалите от меня!

Он вскочил на ноги и встал перед орденом. Хватит с него страха. Он дошел до конца. Он пытался спасти Махуша, он не предал свою сестру, и её не тронет ни чудовищная людоедка, ни чёртов перевозчик, ни эта тварь.

— Тиара что бы тебя отодрала, ты отродье! — он шагнул вперёд.

— Рим, не надо, иди сюда, умоляю!

Чудовищный рыцарь приготовился к удару. Рим не моргнул и глазом. Пошли они все. Он устал бояться и не хочет. Он не отдаст себя Аману, как бы не разрывалось сердце. Пусть они все катятся к чёрту, он не трус!

Ржавый меч опустился, разрубая его напополам.

Рим лежал на мостовой.

Он был в Мейнде.

Мимо проехал трамвай.

Рим медленно сел. Затылок болел. Он столько раз падал за последние дни, что не удивился этому, только порадовался, что голова не треснула. А то мало ли. Он понятия не имел, может ли череп треснуть, но наверное, лечить это пришлось бы долго.

Рим был на берегу Большого Канала около Малого Королевского Моста. Где-то здесь должен быть дом князя дан Ракеша. Мрачный унылый замок, где когда-то мучились двое детей, и откуда они сбежали, чтобы бесславно пропасть в никуда.

Интересно, что всё-таки стало с Мерой. Оказались ли она на той стороне — или была

сожрана учительницей своего брата?

Наверное, он этого никогда и не узнает.

Римуш покопался в карманах, нашел несколько монет, купил себе в ночной чайной стакан чая, поблагодарил молчаливого и очень странно посмотревшего на него продавца, и побрёл домой. Небо было по-прежнему чёрным, и в него поднимался перст из железа и прожекторов. Рабочие без устали собирали новую раму подъёмника к королевскому дворцу.

Королевская ведьма ждала его дома. Дверь в квартиру была взломана. Королевские гварадейцы сидели прямо на его разобранной кровати, а толстяк на кухне подьедал остатки хлеба и ветчины. Увидев хозяина квартиры в открытой двери, он смущённо спрятал объедок и закашлялся.

— Мог бы и спросить разрешения, — буркнул ему Римуш. Он снял пальто и посмотрел на ведьму. — Я только переоденусь и умоюсь. И забирайте меня.

Его продержали в королевской тюрьме Старого Двора ровно пять дней. Римуш ожидал, что его утопят в канале или хотя бы после короткого королевского суда заклеят, закуют в кандалы и отправят в Норнал, чтобы он сгинул на рудниках.

Реальность разочаровывала.

Им в никто не интересовался. Королевская ведьма быстро потеряла к нему интерес. Рим подробно рассказал ей всё, что знал, предложил открыть разум, но она не приняла предложение. Она допрашивала его ровно два раза и забыла о нём. На третьи сутки ему принесли почитать Песни Анахиты и жизнеописания королей Мейнда. Римуш неожиданно зачитался второй книгой. Каждый монарх, помимо идеализированного портрета, был снабжен такой благостной и приличной биографией, что понять, зачем эти чудесные и благоразумные люди убивали друг друга и устраивали перевороты, было решительно непонятно.

На четвёртые сутки его в последний раз допросила королевская ведьма. Римуш ответил на все её вопросы и снова предложил открыть свой разум. Ведьма отказалась.

— Вы мне верите? — тихо спросил он.

— Что тебя похитила тварь из Обратного Мейнда? Я видела в твоём личном деле, что ты годами сочинял побасенки для “Королевских тайн”.

Рим не стал её поправлять.

Тем же вечером он получил передачу от сестры. На вечером пятого дня его выпустили на поруки сестры и её мужа.

— Ты дурак, как ты умудрился только попасть в такую историю? — сестрёнка расплакалась и обняла его.

Рим, не кривя душой, заверил её, что он сам в шоке, как это получилось, и что больше никогда не будет так её волновать. Потом спросил, не сказал ли кто об его аресте тётушке. Но тётушке никто не сказал, а сама она вряд ли вспомнит о племянниках ближайšie полгода.

На кафедре за время его отсутствия всё осталось по-прежнему, хотя по ощущениям Рима прошли годы.

— Мы за тебя волновались. Мама просила прощения, что не помогла тебе, но она не может послушаться королевской воли. Сам понимаешь, королева не любит шуток, — развёл руками Дагур. Меркара вслух зачитывал новостную сводку с состоявшейся накануне казни трёх присоединившихся к мятежу офицеров королевской гвардии. Это была первая за последние двадцать лет публичная казнь, и город впечатлился. Собирали подписи к прошению о помиловании или хотя бы отмене публичной казни.

— Да брось, — Римуш отмахнулся. — Твоя мать мне помогла. Информация в наш век, знаешь ли тоже важна.

— Махуша наши?

Рим пожал плечами.

— Нет, как я понял. Но... короче, не спрашивай. Это государственная тайна.

Дагур кивнул, и Рим пригладит вставшие дыбом волосы. Он на всякий случай оглянулся, нет ли поблизости королевского мыслеплёта. С тех пор, как он открыл ей мысли, ему постоянно казалось, что она рядом. Толстяк, который представился, но чьего имени Рим не

запомнил, обещал, что так бывает, но через пару недель пройдет. Римуш поблагодарил его за совет.

Тело Махуша нашли пятого числа третьего зимнего месяца, когда в Мейнде обычно выпадает снег, в ледяной воде канала на улице принцессы Мирэм. Рим шел в библиотеку к господину Сикелю и заметил у парапета какое-то собрание.

Он подошел ближе и увидел, как на обледенелой пристани двое городских полицейских баграми вытаскивают белое человеческое тело. Это был мужчина с длинными руками и ногами. Рим узнал Махуша сразу. Просто понял, что это он и никто другой. Когда тело достали и перевернули лицом вверх, стало видно, что он некогда прекрасной головы юноши практически и не осталось. Глаза вырваны, а губы срезаны. Но Рим знал, кто это. Он знал и эту фигуру, и родинки, и все шрамы и даже тонкие полосы на спине, оставшиеся от розг старого князя. Римуш сглотнул и сделал шаг назад. Ему показалось, что язвы на руках и ногах трупа не язвы, а укусы человеческими челюстями.

Рим остался на набережной посмотреть. Собрались зеваки. Кто-то ужаснулся. Кто-то смотрел с интересом.

Следом за Римом достали Ингу. Он сохранился лучше, синее лицо было цело. Римуш сглотнул. Он видел его живым всего несколько дней назад. Мог вытащить из проклятого экипажа, но не стал. Стоял столбом. Римуш сейчас жалел об этом. Надо было помочь. Заставить выйти, как-то образумиться. Спрятать у себя. Стать ему соучастником и приговорить себя к смерти.

Римуш отвернулся и пошел дальше, немного загребая ногами. Он давно оплакал Махуша, и сейчас чувствовал лишь грусть. Коробку с вещами Махуша он давно задвинул поглубже в шкаф, а записные книжки оставил на хранение господину Секелю. Через год он достанет коробку вновь, ведь год — достаточный срок, чтобы пережить скорбь и сожаления. И достаточно, чтобы больше не думать о городе без тепла на той стороне.

Больше книг на сайте - Knigoed.net